

НАСЛЕДНИЦА ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

Аисицуна Матьяна

Татьяна Лисицына

Наследница чужой жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69972502

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда Алиса вернулась из путешествия, оказалось, что её тело захватила чужая душа. Она называет себя Аллой и жаждет мести над тем, кто её предал. Погрустив, Алиса снова отправляется в прошлое. Теперь она баронесса Калиновская девятнадцати лет от роду. На дворе 1877 год и русско-турецкая война, на которой оказывается прыгнувший за Алисой Стас, получивший тело графа Ракитина. У влюблённых смутные воспоминания о друг друге, но судьба подаёт знаки. После ранения Стаса отправляют в Петербург, где идут приготовления к свадьбе Алисы. Удастся ли их душам узнать друг друга в новых телах и новом времени?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	75
Глава 8	90
Глава 9	100
Глава 10	111
Глава 11	122
Глава 12	137
Глава 13	148
Глава 14	164
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Татьяна Лисицына

Наследница чужой жизни

Глава 1

Душа никак не хотела возвращаться. Казалось, это не его тело и ему не нужно его занимать.

Стас почувствовал толчок, словно его запихнули в тюремную камеру. Нахлынуло одиночество. Руки, которые лежали на плечах любимой опустились, потеряв её.

– Стасик, миленький, ты проснулся, – раздался пронзительный женский голос.

Этот голос никак не мог принадлежать той женщине, которую он любил. Стас приподнял тяжёлые веки, которые тут же захлопнулись от ярких ламп дневного света. Он чувствовал суету вокруг, слышал обрывки разговоров.

Кто-то радовался, что он пришёл в себя. Кто-то изумлялся.

Знакомый голос уже в десятый раз пересказывал, как чудесно, что он вышел из комы.

Ему отчаянно хотелось обратно. К любимой.

Наконец, суета закончилась.

Но эта женщина осталась.

Держала его за руку.

Стас ни разу не посмотрел на неё.

Она чужая. Любимая осталась в прошлом.

И он не помнил её имени. Только первую букву.

Мария? Слишком много букв.

Маша? Слишком просто.

– Стасик, ну посмотри на меня. Это же я, Настя. Твоя Настя.

Пришлось открыть глаза.

Стас смотрел в нависшее над ним красивое лицо с кари-ми глазами. Чёрные волосы такие длинные, что касаются его одеяла. Ему не нравятся её волосы. Слишком чёрные.

– Ты не моя. Уходи.

Веки снова захлопнулись. Он услышал всхлип.

– Стасик, как ты можешь?!

Оставь меня в покое!

Ему казалось: он кричал на всю палату. На весь мир.

На самом деле он не мог ничего произнести. Только слушать, как эта женщина с противными чёрными волосами жалуется, что у её жениха полная потеря памяти, и он не может её вспомнить.

Теперь он понял. От противного. Любимая была блондинкой.

Погасите свет и оставьте меня.

– Сделаем укол и пусть поспит. А вы, девушка, не расстраивайтесь, жених ваш в коме находился. Ничего удивительного, что ничего не помнит. Радуйтесь, что в себя пришёл.

– Так что толку? Если он меня не помнит?!

– Память возвращается ни сразу. Путь отдыхает. А вы до-
мой идите.

Вот с этим Стас был согласен. Пусть уходит. Никакая она
ни его невеста.

Алиса смотрела на себя и не узнавала. Слишком сильно
накрашена. На голове нелепый пучок. Юбка слишком корот-
кая. И свитер короткий. В пупке пирсинг. Похожа на про-
ститутку. Сидит на ногу, любуясь моим отражением. Только
не надо красной помады!

Я её ненавижу!

Алиса не понимала, в чём дело. Похоже на то, как ты при-
ходишь домой, а за твоим столом сидит вор и спокойно пьёт
чай из твоей любимой кружки с мышонком. С досады Алиса
отправилась на прогулку. Ужас, какая маленькая квартирка.

Неужели она здесь жила? Низенькие потолки, крохотная
спальня, уродливая кровать. И, вообще, вся мебель уродли-
вая. У неё, что совсем вкуса не было? Единственное забав-
но: вот эти гардины в комнате с панорамными окнами. Гля-
дя на рисунок, вспоминался пруд с кувшинками любимого
Моне. Кувшинок, правда, на ткани не наблюдалась, но со-
хранилась цветовая палитра цветов. Тёмно-зелёные розовые
и синие тона.

Вид из окна оставлял желать лучшего. Внизу приютились
уродливые пятиэтажки, а вдалеке шоссе с бегущими в обе
стороны автомобилями.

И как здесь жить?

Было что-то важное, что Алиса должна вспомнить.

Сильные руки, которые её обнимали.

Красивый дом с высокими потолками.

– Дорогая, это тебе, – Алиса увидела Антона с букетом роз. То есть не к ней, потому что она была на потолке, а к этой вульгарно одетой рыжей девушке, которая нарисовала алые губы.

– Зачем таскаешь каждый день эти веники? – девушка бросила цветы на кровать. – Я говорила тебе, что не люблю розовые розы? Подари их Светке Соколовой, – девушка хихикнула и скорчила гримасу. – Куда пойдём ужинать, я страшно голодна?

– Давай поужинаем в Макдональдсе? Там новое меню.

Девушка встала, полюбовалась на себя в зеркало. Алиса только чертыхнулась.

– Меня что, красавицу, мама родила, чтобы я с тобой в Макдональдсе ужинала?

– Но денег почти не осталось до зарплаты.

– Деньги это твоя забота, безмозглый муженёк. Пойдём в рыбный ресторан. Там тоже новое меню от шефа повара.

– Дорогая, но...

– Никаких, но! Не хватает мозгов придумать, как деньги делать, будем жить в кредит. Появится стимул зарабатывать.

Антон выглядел усталым. Под глазами залегли тени, вокруг глаз появились морщинки. Алисе казалось, что даже во-

лосы у её мужа поределели.

– Мне бы так хотелось хоть разочек остаться дома. Полежать на диване, – робко заикнулся Антон, голоса которого Алиса не узнавала: таким он стал бесцветным и просящим.

Ничего себе! Похитительница её тела сделала Антошку. Такая уж точно рубашки не станет гладить.

– На диване будешь в старости лежать, – отрезала девушка.

– Ну, Лисонька, – Антон подошёл к ней и положил ей руки, массируя плечи.

– Не называй меня так! Алиса ещё ничего. А, вообще, лучше Алла. – Вот, придумала: будешь называть меня Аллой. Хорошее жёсткое имя.

– Но, Лисонька...

– Ал-ла, – властно произнесла девушка по слогам, пробуя имя на вкус. – Повтори!

– Алла, – послушно повторил Антон.

Алисе стало грустно.

Я вот с этим мужиком носилась: ужины, обеды готовила. А пришла какая-то незнакомка в моё тело и показала пример для подражания. И кто она, вообще, такая? Ах ну да, те из конторы предупреждали, что её тело без присмотра не останется. И вот эта девица, похоже, считает себя красавицей, хотя Алиса считала себя лишь чуть-чуть симпатичной.

– Где моя шуба? – Алла подошла к зеркалу. – Антон по-

слушно достал из шкафа свободную шубку до колен из норки, на которую Алиса полгода денег откладывала, а потом, когда купила, ещё и скандал от мужа получила, что лучше бы взнос по ипотеке заплатили.

Алиса попробовала закричать, даже подлетела к девице и хотела выдрать любимую шубку, но Всё что смогла – влететь в один рукав и вылететь в другой. Впрочем, рукава были необязательны, она эту шубку могла, как иголкой прошить своим телом бестелесным.

«Не смей трогать мою шубу!» – возмущалась Алиса, пока девица застёгивала крючки.

Бесполезно! Её не существует для них.

– Мне не нравится эта шуба! – возмутилась Алла, поворачиваясь боком. – В ней эта девица под машину попала.

Алиса замерла. Что? Под машину? Это о ней? Попала под машину? Ей казалось, она просто ушла от мужа.

– Какая ещё девица?! – возмутился Антон, повязывая чёрный шарф, который Алиса ему подарила на двадцать третье февраля. – Сколько раз тебе говорил: сходи к невропатологу. У тебя раздвоение личности. Ты изменилась: стала жестокой и злой. Алиса не была такой.

Ну ладно, муженёк, и на том спасибо. Вспомнил добрым словом.

Алиса пронеслась мимо и попробовала коснуться плеча мужа. Антон обернулся.

– Дует что-то. «Ты окно закрыла?» —спросил он Аллу.

– Сам закрой, дурак! Если ты ещё раз скажешь про раздвоение личности, я с тобой разговаривать перестану.

– Ну ладно. Прости, – Антон потянулся, чтобы поцеловать, но девица оттолкнула его.

– Не прости, а купи новую шубу. Видишь, я не могу носить эту? Она напоминает мне о больнице. Я там чуть не умерла, – Алла вытерла под глазами.

– Прости, дорогая, больше не буду. Какая же ты стала нервная.

В одном она права, подумала, Алиса, разглядывая шубу, которую так любила раньше. Шуба никуда не годится. Слишком короткая и бесформенная. У меня была другая, из соболя, она доставала до полу, и в ней всегда было тепло в карете.

Алиса почувствовала замешательство. Откуда ещё мысли о карете? Она надеялась, единственное, что ей осталось – это мозг, но, похоже, и он в беде.

Алиса даже не заметила, как они ушли. Зависла наверху, размышляя. Даже если выгнать эту Аллу – буду называть её, как она хочет – эта жизнь с мужем подкаблучником мне совершенно не нужна. Ей нужен мужчина сильный, чтобы защитить мог.

Муж повёл Алисино тело на прогулку, а она, бестелесная, осталась дома. Её как будто кто-то запер в этой квартире, она крутилась в ней, как в клетке и не могла выбраться. Когда прошёл шок, Алиса поняла, что квартиру свою она почти не узнавала.

Ни одной своей вещички, которую Алиса покупала с любовью, на своём месте не нашлось. Вот столик её компьютерный, маленький, за которым она работала оказался на кухне. Рядом с ним громоздились грязные чашки, остатки еды, обёртки конфет. Ноутбук печально гудел от того, что новая хозяйка не удосужилась даже в сон его отправить. Вот если бы Алиса могла подобраться к нему и посмотреть старые файлы. Возможно, ей бы удалось что-то вспомнить о том мужчине. Ощущение любви пронизывало её настолько, что она занялась бы с ним с любовью прямо сейчас.

Вопрос как?

Странно, что про эту жизнь Алиса всё помнила. И то, что Антона застучала с любовницей. Алиса хотела бы вздохнуть так глубоко, как бывает, когда тяжело. Или даже поплакать, но это её существование никакого выпуска эмоций не допускало. Да и действия в ограниченном количестве.

Алиса подлетела к зеркалу и не увидела себя. Это было очень странно видеть всё, что отражается напротив, кроме тебя самой. От тоски решила заглянуть в открытые створки любимого шкафчика из орехового дерева. Хотя, какое там дерево, это же подделка. А какой уродливый дизайн. В шкафу был тот ещё беспорядок. Все её платья свалены вниз, а наверху висели лишь короткие юбки, легинсы, да футболки в обтяжку. А ну вот ещё безобразное платье тигровой расцветки на красном фоне.

Алиса ретировалась к окну. На улице грязные сугробы,

а дорожки в лужах от реагентов, по которым осторожно ступали прохожие. Какая мерзость. Кому мешает снег? Зачем портить зиму? Как приятно чувствовать поскрипывание под каблучками.

И как тут жить?

– Вот и я думаю, девонька, как тебе тут жить? – вдруг услышала она.

– А ты кто? – Алиса завертелась по комнате, пытаясь обнаружить источник.

– Не ты, а Вы. Всё-таки постарше буду. Вот он я.

Алиса увидела, как на диван, словно у себя дома, закинув ногу на ногу, уселся старик. Именно старик, такой он был высокий, лысый и нескладный. В голубом махровом халате. Так и хотелось сказать: в гости следовало переодеться.

– Может и следовало, – тут же услышала Алиса. – Да вот уж решил по-стариковски так прийти. Подумал, тебе помощь нужна. Ты вроде как дома и не дома, и тело твоё с твоим мужем ушло куда-то. Это ещё что: а ночью, бедняжка, будешь наблюдать, как они любовью занимаются? Совсем тебе грустно будет, девонька.

– Да не нужен мне этот подкаблучник. Я могу его этой Алле оставить.

– Допустим, – старик встал с дивана и, ссутулившись, подошёл к окну, где над потолком зависла Алиса. – А сама что будешь делать?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Мы без твоего желания твою душу отправить никуда не можем.

– Да кто вы такой, волшебник что ли?

Старик пожал плечами.

– Ты совсем ничего не помнишь? Память у души должна остаться. Или ты ещё не адаптировалась?

– Вот про эту жизнь всё помню, а что раньше было – нет. Я, кажется, уезжала. А вы, простите, тоже душа или ещё и телом обладаете? Я вижу Вас на диване.

– Морковка хоть и старая, но в этом мире присутствует, – старик от души рассмеялся.

Слово «морковка» заставило Алису призадуматься. Где-то она это словечко слышала. И тут как случается, достаточно одного воспоминания, появилась вся картинка: высокий дом на Арбате, пятый этаж.

– Ну вот, – обрадовался старик. – Хорошо, что контору нашу вспомнила.

– Так это про вас говорили, что вы души в путешествия отправляете. Как удобно к вам обращаться?

– Валерий Никандрович. К вашим услугам, – церемонно склонил голову старик.

– Очень приятно. Алиса. Или уже не Алиса. Я кем-то была ещё. Ничего не помню.

– Если хочешь, в контору приезжай. Вдруг место поможет вспомнить.

– Да как я могу приехать, если я без тела? – удивилась

Алиса.

– Да ты теперь, девонька, куда хочешь без билета пройдёшь, – расхохотался старик. – Ты растерялась ещё. Прилипла к этой квартире. Ты свободна, как птица. Билет в метро не надо покупать.

– Не понимаю о чём вы. Я как будто заперта здесь. Тут всё моё и всё чужое. Понимаете?

– Сергей Петрович предупреждал: не надо такую красивую морковку без присмотра оставлять.

– А я вот совсем не считала себя красивой, – Алиса почувствовала, словно стала ещё меньше и ещё несчастнее.

– Не грусти, девонька, разберёшься. Мне надо внучку из детского садика забирать, а потом ужином кормить, я больше не могу с тобой разговаривать. Да и не должен, если по высшим законам. Душа, она куда залезла, должна сама разбираться. Выбор у тебя есть: ты можешь чужую душу из своего тела выгнать. На это силёнок у тебя хватит. Другое дело, что ты будешь делать в этом мире? Тебе здесь неинтересно будет. Да и опять-таки с суженым твоим судьбы в этом мире больше не пересекутся, хотя он и близко от тебя.

– Кто он, мой суженый? – встрепелась Алиса. – Ах, я помню. Чудесное ощущение, когда мы вместе. Словно наши души обнимаются.

– Пока, девонька, – старик встал с дивана и растворился в воздухе.

Раньше, сколько себя Алиса помнила, времени всегда

не хватало. Оно ускользало, оставив тебя с сожалением, что прошёл ещё один день твоей жизни, а ты так и не сделала самого главного. Причём, продираясь сквозь суету мелких дел, не оставалось времени подумать, что есть это главное.

Зато сегодня время тянулось. В этой квартире Алисе даже рассматривать ничего не хотелось, но и уйти отсюда не могла. Зависла под потолком и размышляла, что сказал старичок. Допустим, эту девицу она из тела выгонит, но жить здесь совершенно не хочется. Антон совершенно её не интересуется. Она готова подарить его этой наглой девице, которая считает меня красавицей. Знала бы, что такое настоящая красота. Вот она совсем недавно была красавицей. При этой мысли всё внутри Алисы затрепетало. Да, вот оно, близко, как в игре: горячо-холодно.

Кем она была? Эх, вспомнить бы. Но память не пускала. Не хватало первого пазла, чтобы начать путешествие в прошлую жизнь.

Когда на город спустился вечер, Алиса всё ещё была в углу возле серой шторы над потолком. К этому времени она уже окончательно решила: ни эта жизнь, ни это тело рыжей девушки её не интересуется. Так, без него она была свободна и могла выбирать. Единственное: она ещё свободы своей не осознавала.

Никандрович растворился в воздухе. Она, наверно, может через окно вылететь на свободу. Алиса взглянула на появившийся свет в домах. Водители зажгли фары, освещая себе

дорогу. Только у Алисы в квартире было темно.

И вот вдруг зашелестел и остановился на этаже лифт. Понеслось знакомый визгливый голос. Потом смех. В коридор хлынул свет и забасили два мужских голоса. От волнения Алиса даже слов не разобрала.

Полетела встречать. Любопытно. Её бывшее тело с прогулки вернулось и двоих мужчин привело.

– Давай, Юра, раздевайся, – командовала Алла. – Халупа наша маленькая, но Антон работает, чтобы приобрести побольше.

Увиденное заставило Алису зависнуть на месте. Мужчина, который снял пуховик, оказался в лётной форме. На фуражке красовались крылышки, на погонах три маленьких золотых звёздочки. Пуговицы на кителе тоже золотые. И пока мужчина приглаживал перед зеркалом волнистые светлые волосы, Алиса не могла оторваться от созерцания. Мужчина очень приятной наружности, можно сказать, brutальной. Большой нос, волевой подбородок, строгий взгляд серых глаз. Алиса разглядывала погоны. Не могла отделаться от ощущения, что в этом мире, всё хоть и похоже на её прежний мир, но выглядит мелко. Вот ведь раньше, Алиса сколько себя помнила, форма лётная ей нравилась. А теперь видит, что нет в ней той красоты и великолепия. И эти погоны. Чего-то в них не хватает.

– Тошка, клади шампанское в холодильник и доставай тарелки.

Алла деловито выгружала из пакета еду в пластиковых коробочках из супермаркета. Выглядела оживлённой. Антон казался вялым.

Алиса перебралась на кухню. Проследила, как они рас-селись за столом. И вдруг поймала себя на ощущении, что ужасно хочется не то, чтобы есть, а ощутить вкус еды. Салат оливье она очень любила. А уж когда увидела, как пенистой струёй хлынуло в высокие бокалы шампанское, совсем рас-строилась. Всё бы отдала, чтобы ощутить вкус этого божественного напитка. Ну вот и ещё один пазл: шампанское. Бы-ли бы руки, вырвала бы бокал и медленно смаковала по глоточку.

– Ну давайте за встречу! До дна! Не каждый день од-ноклассники встречаются. За вас, мальчики! – Алла опять бросила кокетливый взгляд на лётчика. – Как хорошо, что ты в Москве теперь будешь жить. Будет у Тошки дружок ря-дом.

Итак, незнакомец – школьный друг Антона, поняла Али-са. Она его не видела, но Антошка предпочитал Алису на встречу с друзьями не брать. Хотя она так развязно, как эта девица, никогда себя не вела.

– Антон, ну ты что, кислый такой? А ну допивай шампан-ское, – требовала Алла.

– Мне на работу завтра рано вставать, – зевал Антон. – Ру-башки чистой нет, а завтра совещание с утра.

– Ну сам виноват, – пожала плечами Алла. – Жена не дом-

работница. Правда, Юра?

– Как такую красотку заставлять ручки портить? – рассмеялся Юра, скользнув взглядом по длинным острым ногтям Аллы.

Вот я была овцой, подумала Алиса. Себе не успевала платье погладить, а ему каждый день свежую рубашку. Тьфу на меня. Вот ведь как надо с мужиками.

Впрочем, сожаление занимали Алису недолго. Как не беспокоит ребёнка вчерашняя печаль. Внимание вновь зацепилось за погоны и форму. Кудри светлые, которые этот Юра отбрасывал со лба, напоминали что-то родное.

Устав от разговоров, Алиса переместилась в спальню поразмышлять. Погоны. Форма. Светлые волосы. И ещё шампанское.

Алиса еле дождалась, пока закончится вечер. Алла отправилась в гостиную стелить Юре. Алиса переместилась за ней. Помнит она этот диванчик: зелёный, с мягкими подушками и оттоманкой, на которой было так приятно вытянуть ноги перед телевизором. Тогда этот предмет мебели казался Алисе верхом совершенства и уюта. С трудом Тошку уговорила, который хотел взять подешевле. А теперь смотрела с равнодушием. То ли в их в веке мебели красивой не было, то ли у них вкуса.

Алла, чуть покачиваясь от шампанского, расстелила простыню, взбила подушку. Одеяло бросила на пододеяльник.

– Юрик, – пьяным голосом позвала она. – Иди сюда!

Устроит тебя такое ложе? – Алла икнула и хихикнула.

Юра появился в комнате. У Алисы забилося сердце. В полутёмной комнате форма казалась красивее, ярче сверкали золотые пуговицы, светились звёздочки на погонах.

– Спасибо, – улыбнулся Юра, который был совершенно трезв. Видимо, на такого здоровяка шампанское не действовало. – Думаю, я отлично выплусь.

– Уверен? В одинокой, холодной постели? – Алла уселась на край дивана и вытащила шпильки из пучка. Рыжие волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Алиса с неудовольствием смотрела на волосы. Как она с ними боролась, то выпрямляла, то завивала, а эта девица и без этого чувствовала себя королевой.

– Ну, а что делать?! – Юра снял китель, аккуратно повесил на спинку стула. – Если такая красивая девушка занята, придётся спать одному.

Повисла пауза. Эти двое смотрели друг на друга с вожделением. Алисе стало стыдно. Да как они могут?! Тошка войти может в любой момент.

– Да и не очень уж я занята. Мужёнок сейчас захрапит, а я тоже останусь одинокой и неудовлетворённой.

– Так приходи, когда он заснёт, – сориентировался Юра. Алла склонила голову набок.

– Если получится, – она протянула ему руку, чтобы он помог ей встать. Но то ли она была пьяна, то ли лётчик сделал это специально, но Алла тут же оказалась в его объятиях.

Губы слились в поцелуе.

— Ты такая сладкая, — сказал он, запуская руку под юбку. — Проверишь, муж уже спит?

— И проверять не нужно, — Алла потянулась за поцелуем. — Засыпает, как только голова коснётся подушки.

Алисе хотелось закричать и позвать Антона. Какая наглость! Как смеет эта нахалка в чужом теле позволять себя так вести в чужом доме?!

Алиса упорхнула в спальню, чтобы посмотреть, где Антон, но тот уже храпел в постели.

Алиса смотрела на него с сожалением, пока не вспомнила, как в этой их кровати, он ей изменял.

Так ему и надо! Похоже, кто-то здорово за неё отомстил.

Алиса собиралась вылететь в дверь, как вдруг поняла, что в своём новом состоянии может пройти сквозь стену. Как Никандрович. Сначала это казалось странным. До сих пор она перемещалась только поверху, но по коридорам, а теперь сделала над собой усилие и сразу оказалась в гостиной, наблюдая, как лётчик снимает синие форменные брюки, освобождается от трусов, в то время, как её тело бесстыдно раскинуто на кровати абсолютно нагое.

Алиса смотрела сверху, как лётчик ласкает её тело, удивляясь своим ощущениям. Стыдно и невозможно оторваться. Алла издавала стоны от наслаждения, в то время как рука его становилась всё наглее и наглее.

И вдруг, к своему удивлению, Алиса обнаружила, что хо-

чет секса. Хочет, чтобы её ласкали, и она испытывала эти сладкие чувства, а не смотрела, как с её телом что-то делают, а она ничего не чувствует.

Это было как с шампанским, только ещё обиднее: чувствовала себя малышкой, перед носом которой махали долгожданной куклой, а она не могла дотянуться, чтобы взять её.

– Я выгоню эту чужую душу! – в расстройстве подумала Алиса. Она не может отдавать своё тело первому встречному, пусть даже симпатичному.

Но тогда ты останешься в этой жизни. В этой квартире, со своим муженьком и у тебя совершенно точно не хватит духа держать его так, как эта Алла. Ты будешь гладить ему рубашки, а он снова заведёт любовницу.

Сопение и стоны достигли апогея и ... стихли. Парочка лежала, обнявшись, в постели, пока Алла не подняла голову.

– Надо проверить, как там муженёк, – Алла выбралась из кровати и некоторое время смотрела обнажённого Юру.

У такого красавчика, наверно, куча баб.

Алиса, между тем, снова пыталась подобрать нужный пазл. Сейчас, когда лётчик раскинулся обнажённым, его рельефная фигура в приглушённом свете напоминала любимого.

Так как же найти его?

Глава 2

– Ну вот мы и дома, – ворковала Настя, открывая дверь своим ключом.

Стас медленно вошёл за ней. Последние две недели, которые по настоянию врачей провёл в больнице, он находился в протрации. Лучше всего было лежать с закрытыми глазами, притворяясь спящим, чтобы не приставали с разговорами соседи по палате. Но соседи не так досаждали, как эта Настя, являющаяся каждый день с беззаботно счастливым видом и неизменным поцелуем в щёчку. От её трескотни, как они заживут, когда он поправится, начинала болеть голова. Он её, вообще, не помнил. Кто такая? Почему уверенно заявляет, что его невеста? Хуже всего было, что её знали медсёстры и даже лечащий врач Стаса. Так что очевидно она была в его жизни до комы. Стас боялся протестовать: упекут ещё в психушку, поэтому, стиснув зубы, присматривался.

Невеста была красивая. Работала в модельном бизнесе. Ноги от ушей, волосы шикарные, как в рекламе шампуня, черты лица немного смазливые, но тоже вполне. Одевалась подчёркнуто сексуально. Обтягивающие брючки, лосины, короткие кофточки. Хлопала длинными ресницами, надувала пухлые неестественные губки. Умело улыбалась, показывая белоснежные ровные зубы. Только вот красота эта Стаса ужасно раздражала. К тому же, как быстро обнару-

жилось, девушка была недалёкая. Поговорить с ней, кроме как об обыденном и сплетнях, было не о чем. Зато два соседа, один молодой, другой пенсионного возраста, оживлялись, когда она приходил. Стасу откровенно завидовали.

– От такой штучки даже одеяло приподнимается, – шутил тот что моложе, и оба противно хихикали. Настя кокетничала умеренно, подчёркнуто крутилась возле Стаса. За руку возьмёт, подушку поправит, яблоко почистит.

Стас молчал, желая поскорее выписаться. Приедет домой: решит, что с ней делать. Он не мог отделаться от мысли, засевшей в глубине подсознания, что где-то есть его любимая, которую от него спрятали. Иначе не скажешь. По ночам ему снились сны, где он в военной форме танцевал вальс, держа любимую в объятиях. Лица не видел. Только светлые волосы, убранные в высокую причёску. А вчера ему приснились глаза. Огромные, удивительного фиалкового цвета. Все сны сопровождало ощущение радости – она рядом.

– Давай куртку, Стасик, что ты застыл?! – Настя успела раздеться и даже покрутиться перед зеркалом, подтянув резинку высокого хвоста.

Стас молча передал ей куртку, оглядывая прихожую, совмещённую с кухней. Большое окно выходило на заснеженный лес. В эркере приютился стол с ноутбуком. Кухню стального цвета в стиле хайтек оживляли два встроенных красных шкафчика. Помещение разделялось барной стойкой с высокими красными стульями. Стас нахмурился. И этим ремон-

том он когда-то гордился? По кухне, впрочем, плыл заманчивый запах, словно его здесь ждали.

Настя подбежала к духовке и вытащила противень с поджаристой курочкой, вокруг которой улеглись кружочки картошки. Настя довольно повернулась к нему:

– Как раз угадала. Правильно таймер поставила. Как всё-таки удобно стало: пока тебя забирала, курочка запеклась. Сейчас руки вымоешь и за стол, – девушка подлетела к нему и чмокнула в щёку, заглядывая в глаза: – Видишь, какая жена у тебя будет хозяйственная?

Стас принял поцелуй и отодвинулся.

– Я это, осматрюсь немного. Ты пока курицу в духовку поставь. Мне что-то есть не хочется.

– Осмотрись, – легко согласилась Настя. – А я пока салатик нарежу. Девушка загремела посудой.

Стас вошёл в гостиную. Комната казалась маленькой, загромождённой угловым кожаным диваном бежевого цвета. Стас подошёл к окну. Из окна вид во двор и на детскую площадку. На подоконнике два горшка с причудливо вырезанными листьями. Один с красными цветками, другой с кремово-белыми. Горшки стояли так близко к друг к другу, что некоторые веточки обнимались. Как будто красный представлял мужчину, а белый женщину. Стас не мог оторвать глаз.

– Ах вот ты где?! – в дверях появилась Настя в фартуке. – Видишь, я не только за тобой, а ещё и за твоими декаб-

ристами ухаживала.

– Декабристами? – обернулся к ней Стас. – Ты назвала их декабристами?

– Ты ещё говорил, что эти кактусы так называют из-за того, что они цветут в декабре. А в декабре было какое-то восстание. Я не сильна в истории.

Декабристы. Восстание. Стас застыл на месте и закрыл глаза. Некоторые лица вставали перед ним как живые. Особенно Рылеев. Он как будто слышал его голос, помнил, как тот жестикулировал. Знал какого он роста, сложения. Видел, как тот выступал в кругу мужчин в военной форме.

– Стас, ты что? – Настя подобралась к нему. – Ты побледнел. Тебе нехорошо? Может, прилечь?

Появившаяся картинка исчезла. Он снова был в своей комнате. Стас с досадой посмотрел на Настю.

– Всё нормально, – отозвался он.

– Тогда давай к столу, а то мне ещё на съёмки вечером.

Кажется, я останусь один, обрадовался Стас. И у меня будет время всё вспомнить.

В ванной он обнаружил, что полочка под зеркалом, обычно полупустая, заставлена кремами. В стаканчике две зубных щётки. Тут же лежала массажная расчёска для волос, на которой застряли несколько длинных чёрных волосков. Он заметил новые шампуни и маски для волос, которые громоздились по краям большой ванной. На крючке рядом с его халатом висел махровый розовый халат. Сполоснув руки, Стас

вышел в кухню:

– А мы что, живём вместе?

– Конечно, – Настя сделала удивлённое лицо. – Ты разве не помнишь, как меня упрашивал, чтобы я согласилась переехать? – она кокетливо хлопнула ресницами. – Ну вот я и решила сделать тебе подарок.

Не выдержу, если она всё время будет крутиться рядом, – подумал Стас, усаживаясь за стол.

Настя завладела пультом от телевизора и включила показ мод, то и дело, восклицая: ты посмотри какие брючки, какое платье или какая шубка.

Еда, впрочем, оказалась превосходной, и Стас обнаружил, что после больницы к нему вернулся аппетит. Настя, несмотря на удобу, не отставала от него и даже положила себе ещё куриную ножку.

– А ты, значит, на диете не сидишь? – не удержался от иронии Стас.

– Ты забыл, милый?! У меня все калории быстро сгорают. Особенно после секса. Ты, конечно, ещё слабенький после болезни. Но, может, вечером попробуем? Я так соскучилась.

Стас даже закашлялся. О чём она? Какой секс? Ему и рядом с ней тяжело сидеть. А уж о том, чтобы обнять и речи быть не может.

– Доктор сказал: никаких физических нагрузок, – нашёлся Стас.

– А их и не будет. Я всё сделаю сама. Ты можешь лежать на спинке и наслаждаться.

Ну я попал, – подумал Стас. Как мне от неё избавиться? К счастью, Настя отвлеклась на очередное платье и не преминула сказать, что на ней, с её ногами, это платье смотрелось бы лучше.

Быстро убрав со стола, напевая песенку, Настя ушла в спальню, откуда вышла уже в короткой юбке, водолазке под горло, не скрывающей все прелести груди.

– Стасик, мне нужно бежать. Увидимся вечером, – на его счастье Настя послала ему воздушный поцелуй, облачилась в шубку пастельных тонов, надела сапожки на высоких каблуках, и, улыбнувшись своему отражению в зеркале, взялась за ручку двери.

– Настя, а где мой телефон?

– У тебя в кабинете на столе. Я его зарядила. Кстати, может, ты позвонишь своему другу, узнаешь, как дела на работе? Странно, что ты ни разу не спросил про свой бизнес. Раньше тебя с работы было не вытащить, а теперь всё на друга повесил.

Оставшись один, Стас уронил голову на руки и задумался. Сказать, что он чувствовал себя сбитым с толку, было ничего не сказать. Жизнь разделилась на до комы и после комы. То, что было до комы вспоминалось урывками. И откуда это странное чувство, что он где-то был, участвовал в чём-то

важном? Там, в той жизни, у него было всё. Здесь – сплошные разочарования.

Стас поплёлся в спальню и открыл шкаф. На левой половине аккуратно висели его костюмы, рубашки и джинсы, правая сторона была занята женскими нарядами, от которых исходил запах духов. Стас захлопнул шкаф: какого чёрта она ко мне переехала?

Как мне жить? спросил он у своего отражения. Тут он обнаружил кое-что странное: ясное дело, что мало кто хорошо выглядит после комы и больницы, но дело было в другом. Что-то не так было с его лицом, с цветом волос, с фигурой. Нельзя сказать, что Стас не узнавал себя, но он не любил себя таким. В зеркало на него смотрел обычный мужчина под тридцатник с короткими тёмными волосами. К счастью, густыми и без залысин. Да и фигура у него неплохая, судя по всему. Мышцы, конечно, пропали, но живота по-прежнему нет. Лицо, правда, было бледным, отражая всю слабость, которую молодой человек чувствовал.

Стас подошёл к окну. На подоконнике в аккуратном горшочке цвела фиалка. Вот этот цвет, может, не такой насыщенный, но очень необычный, был у глаз его любимой. Он плохо помнил лицо, но глаза прекрасно. Стас погладил пальцем нежные лепестки цветка и вздохнул. Может, всё это привиделось ему, пока в коме валялся? Говорят, что люди полностью меняются, начиная видеть будущее. Его это, правда, не коснулось. Он никакого будущего не видел и даже

настоящее с трудом.

Поплёлся в кабинет. В стеклянном шкафчике, где аккуратно стояли книги в основном про автомобили, находилась его игрушечная коллекция ретро автомобилей. Стас взял модель старого мерседеса и долго катал по столу, пока она не съехала на пол. Ему всегда нравились машины, но отчего-то старые. Эта страсть появилась, как только повзрослел. Тогда почему он свой бизнес он на друга оставил? То есть бизнес перестал его интересовать до комы. Но почему? На этот вопрос ответа не было.

Стас нагнулся за машинкой и снова увидел два цветка. Белый и розовый. Декабристы, как их назвала Настя. Слово не давало покоя. Нужно полазить в интернете.

Стас сел за стол и открыл ноутбук. Набрал в поисковой строке «декабристы», потом перешёл на список фамилий декабристов. Нашёл фотографию Рылеева. Бог мой, всё равно что увидел старого друга. Стас помнил его непокорные волосы, которые тот приглаживал, умные глаза на выкате. Да он помнил даже его рост. Рылеев был ниже его самого. Одевался в штатское. На шее белый платок. Как на этом портрете. Стас несколько часов читал про декабристов, пока не добрался до декабриста Панова. Статья в интернете оповещала, что во время восстания поручик был молод, полон сил и амбиций. Мужественно проявил себя в день восстания. За ним пошло несколько рот. Они по существу завладели Зимним дворцом со всеми его входами.

Стас даже застонал. Он участвовал в этом. Он прекрасно помнил воодушевление, с которым они шли брать Зимний, надеясь, что там находятся их люди. Но там никого не было, и Панов повёл народ на Сенатскую.

Я сошёл с ума. Стас уронил голову на руки, пытаюсь собраться, но картинки в его голове продолжали мелькать с такой скоростью, словно ему показывали фильм. Вот они на Сенатской. Стоят войска, мёрзнут солдаты, и опять эта растерянность у всех. Ищут Трубецкого, который должен был руководить восстанием. По приказу нового царя палят из пушек. Гибнут люди. Выбрали Оболенского, тот повёл их на Неву. Поздно. Ядра разбивают лёд. Тонут люди в холодной воде.

Картинки закончились. Стасу стало холодно. Вытащил свитер из шкафа и натянул поверх рубашки. Зубы продолжали стучать.

Да что же там случилось? Или он сходит с ума? Стас вскипятил чайник, налил горячего чаю с лимоном. Еле согрелся. Стоило начать вспоминать, как озноб начинался с новой силой. Он закутался в плед и улёгся перед телевизором.

Когда пришла Настя, раскрасневшаяся от мороза и ужасно хорошенькая, Стас смотрел новости.

– Дорогой...

– Не подходи близко, мне кажется, я заболел. Вдруг это вирус?

– Какой вирус? Ну ты даёшь, то вирус, то кома, – Настя осторожно сделала шаг по направлению к нему. – Хотя ты неважно выглядишь. Сейчас найду градусник.

Градусник показывал тридцать шесть и семь, но Стас соврал, что у него температура.

– Ой, мне никак нельзя болеть, у меня всю неделю съёмки для журнала, – заволновалась Настя.

– Вот и держись от меня подальше, – пробормотал Стас, удобнее укладываясь на диване. Жаль, конечно, своей спальни, но он уж лучше здесь поспит. Один.

Глава 3

Проснулся Стас около шести утра. Некоторое время повалялся, пытаюсь вспомнить, что вчера произошло. Сегодня с утра декабристская история вспоминалась спокойно. Озноба не было, и Стас решил, что перенервничал. Умылся, надел халат и начал путешествовать по квартире. Ноги сами собой привели в спальню. Там, раскинувшись на его двуспальной кровати, спала Настя. Одеяло сползло на пол, девушка лежала на спине, абсолютно обнажённая, чуть раскинув стройные ножки. Стас прислушался к себе. Лежащая в кровати девушка была очень красива, да и выглядела сексуально, но Стас абсолютно ничего не испытывал. Да спал ли я, вообще, с этой женщиной? Спросил он сам себя. Вдруг вспомнил, что под левой грудью у неё была родинка. Подошёл ближе. Нагнулся. Родинка присутствовала. Значит, я с ней спал, решил Стас, продолжая разглядывать девушку с совершенным телом, не вызывающую никаких эмоций.

Может, я стал импотентом?

Стас вздохнул и вышел из комнаты. Вспомнил, что вчера так и не занялся телефоном. Пролистал адресную книгу, почитал сообщения в ват сапе. Настя действительно писала ему смески с ошибками, и он на них отвечал. И там даже нашлась смска, в которой она писала, что счастлива быть его невестой. Значит, Настя не врёт.

Тут к его удивлению телефон зазвонил. Стас от удивления даже выронил его из рук. Телефон приземлился на ковёр, а на экране высветилось «Андрюха».

– Привет, друг! – зазвучал в трубке весёлый голос Андрея. – Увидел, что ты в ват сапе: глазам не поверил. Как я рад тебя слышать. Даже медитацией жертвую, чтобы с тобой поговорить. Скажи, ты на самом деле там был?

– Где?

– Ну там, куда ты хотел попасть.

– А куда я хотел? – переспросил Стас, чувствуя себя идиотом. – Я ничего не помню.

– Не помнишь? – в голосе друга слышалось разочарование. – А я надеялся услышать историю, как ты был каким-нибудь викингом или рыцарем.

– Послушай, Андрюш, мне нужна твоя помощь. Можно я к тебе приеду, и ты расскажешь мне, что знаешь?

– Слушай, друг, я, вообще-то работаю за тебя и собираюсь в офис. Тебе Настя не говорила?

– Ты знаешь Настю?

– Ну, конечно, я знаю Настю.

– И она действительно моя невеста?

– Слушай, тут такое дело. Настя просила тебе не говорить. Ну ради твоего же блага. Она ведь молодец, ездила к тебе в больницу и... я думаю, что она будет тебе хорошей женой.

– Скажи мне всё. Я всё равно на ней не женюсь.

– Не женишься?! Жаль. Классная девчонка. Весёлая.

– Рассказывай! – потребовал Стас. – И подождёт твоя-моя работа.

– Так у меня сегодня совещание. Давай лучше в офис приежай и поговорим на месте.

– Да не могу я. Чувствую себя уродом каким-то. Ничего не помню, не знаю. Как я с людьми буду общаться? Расскажи по-быстрому, а то я с ума схожу.

– Слушай, я толком так и не въехал, но у тебя какая-то судьбоносная встреча случилась во дворе моего дома. И тебя после этого понесло. Ты свадьбу отменил, а потом и вовсе меня удивил: пошёл за этой девушкой в контору по переселению душ, потому что ей, видите ли, в этом мире надоело. Бизнес на меня оставил. Ну а потом эта кома у тебя. Я так и не понял, отправили тебя куда-нибудь или это лохотрон.

– Слушай, я был в девятнадцатом веке. Участвовал в восстании декабристов. Я знал Рылеева и остальных.

– Охренеть, Стас! Значит, эти в конторе чуваки правда, умеют в другой век отправлять! Не, ну ты должен мне всё рассказать. Слушай, а она тоже там была? Твоя Алиса?

– Алиса? Ты знаешь её имя?

– Знаю, она же моя соседка по дому. Мы особо не общаемся, только если на парковке. Только вот странная она стала. Была скромница такая, а теперь выглядит, как проститутка. Вообще не узнать. Или... это не она? Ты же говорил, что её тело чужая душа заняла?! Хорошо ещё, ты смог вернуться.

– Погоди, – Стас почувствовал, как сдавило виски. Каждый раз, когда он пытался вернуться в прошлое, к горлу комок подкатывал. – Ты сказал, что Алиса здесь?! Мне надо её увидеть.

– Друг, она замужем. И повторю: странная стала. Но ты, конечно, можешь попробовать.

– А ты что-нибудь ещё о ней знаешь?

– Несколько раз видел её. На парковке. Вот и всё. Один раз она с мужем была. Он вытаскивал пакеты из машины, а она покрикивала на него, чтобы быстрее шевелился. Так, вообще, с мужиками только стервы разговаривают. Другой раз я её одну видел, с кучей пакетов из магазинов одежды. С трудом узнал. Слушай, мне идти надо на работу. Надеюсь, ты меня не выгонишь, а то меня со старой уволили, – у Андрухи в голосе прозвучали заискивающие нотки. – А у меня три кредита.

– Разделим обязанности, если что, – Стас вздохнул и повесил трубку. Похоже, с бизнесом придётся попрощаться. Или с другом. Он и сам знал: стоит только кому-то передать правление и всё.

Из спальни вышла заспанная Настя. Голая. Стас снова прислушался к своей реакции. Вот идёт красивая девушка, которую можно сейчас уложить в постель. Ничего! Может, он и не мужик вовсе уже?! Девушка потянулась и подошла к нему.

– Стасик, пойдём в постель. Ой, ты же болеешь. Мне нель-

зя заразиться.

– Настя, – Стас смерил её взглядом. – Иди, приведи себя в порядок и давай поговорим.

– Ну что ты со мной так сурово?! – Настя захлопала ресницами.

– Потому что ты меня обманула!

– Да в чём же, милый?

– Я расстался с тобой, а ты воспользовалась моим положением и перевезла в мою квартиру свои вещи.

– А зачем было мне снимать, если твоя хатка пустая стояла? И я надеялась, что ...

– Зря надеялась, – Стас отвернулся, чтобы не видеть её наготу.

– Ах, вот ты какой, а я к тебе в больницу ездила...

– В том состоянии ко мне можно было не ездить. Меня там, вообще, не было. Только тело валялось. Что ты там со мной делала? – разозлился Стас и снова смерил её взглядом.

– Ну все ездят к близким, если они в коме. Врач сказала, чтобы я тобой разговаривала.

– Вот уж не знаю, зачем ты время тратила. Я ведь сказал тебе: не женюсь на тебе. Сказал или нет?! – крикнул Стас.

– Все вы мужики козлы! И этого дружка я просила ничего тебе не говорить. Даже перепихнулась с ним. Он давно ко мне приставал. А я не знала, когда ты из ком выйдешь. А сексу то хочется.

Стас подошёл к окну и сжал кулаки. Он женщин не бьёт, но очень уж хотелось залепить по её смазливой физиономии, чтобы поменьше перед зеркалом вертелась. Она ещё и с его другом переспала. А тот тоже хорош.

Стас прошлёпал мимо голой Насти в спальню. Открыл шкаф, сбросил её наряды на постель.

Настя прибежала за ним, натягивая розовый халат.

– Что ты делаешь?

– Помогаю тебе уйти. Чтобы к тому времени, как я вернусь, духу твоего здесь не было. Ключи брось в почтовый ящик.

Не обращая на девушку внимания, Стас надел джинсы и свитер, накинул пуховик и выскочил на улицу.

Падал снег. На парковке стоял его заснеженный автомобиль. Конечно, было бы неплохо поехать на машине, но Стас чувствовал себя слишком слабым и слишком злым, чтобы садиться за руль в забитом пробками городе, соблюдая правила. Да и отвык он от машины.

Потом как-нибудь. Стас пошёл к метро. Всё, что ему нужно: увидеть Алису. Если эта та самая женщина, он будет самый счастливый в этом мире. Заберёт к себе. Они будут любить друг друга. Вот только он плохо помнил Алису, но должен вспомнить на месте.

Возле метро позвонил Андрюхе.

– Слушай, ты какого хрена с Настей спал?

Андрюха рассмеялся.

– Это она тебе сказала?! Не спал я с ней, хотя она как-то пришла поговорить о тебе и начала приставать. Но я не поддался. Пусть даже ты её бросил, для меня она всё равно твоя девушка. К тому же я знал, что она попытается к тебе вернуться. Заставил её одеться и сказал, что поддерживаю её. Подумал, у вас всё снова образуется. И, вообще, Стас, мы с тобой со школы дружим, мог бы догадаться, что это неправда. Я хоть раз у тебя девушку отбил?

– Нет, прости, Андрюх, – Стас почувствовал, как что-то внутри разжалось. Даже теплее стало. – Я сам не свой. Ничего не понимаю, половины не помню.

– Да ладно, я не сержусь. Будут силы, приезжай на работу. Тут много есть вопросов, в которых я ни бум-бум. Я бы лучше у тебя коммерческим директором стал, потому что у тебя тут ловелас работает. А вот уж главным давай ты.

Стас улыбнулся. Да с чего он взял, что друг собирался бизнес отнять?

– Ладно, разберёмся с бизнесом. Мне пока не до него. Ты мне скажи, как Алиса выглядит?

– О— па? Ты и этого не помнишь?

– Нет, – Стас опять чувствовал себя идиотом.

– Ты сразу узнаешь её. Рыженькая. Среднего роста. Стройная. Цвет глаз не помню. Машина у неё Киа Рио красного цвета. У нас во дворе красная одна. Живёт в угловом подъезде в моём доме. Этаж не знаю. В подъезде четырнадцать квартир.

– Слушай, а ты дома?

– Да как уйти, если ты мне собраться не даёшь, – возмутился Андрей. —Пришлось совещание перенести.

– Ты посмотри из окна, муж на работу уехал?

– Сейчас гляну. Его машины нет. А красная на месте. Так что, дерзай. И давай аккуратнее. А то муженёк твоей красотишки навешает тебе по первое число.

– Ладно, спасибо.

Стас бросил телефон в карман. Спустился в метро. Пока ехал прикорнул на минутку и опять увидел глаза фиолетового цвета.

Глава 4

Когда Стас подошёл к дому Алисы, её красная машина стояла на месте. Он потоптался на парковке. Посмотрел на подъезд в углу. Перевёл глаза на дом. Ну где же ты, милая? Подай мне знак.

Из подъезда вышел высокий мужчина средних лет и подошёл к новому чёрному кроссоверу. Наверно, сосед Алисы. Ещё было слишком рано для гостей. Стас решился. Лучше, чем ходить по квартирам, спросить у этого мужчины.

– Извините, а вы в этом доме живёте?

– А тебе зачем? – мужчина смерил его взглядом. Наверно, Стас выглядел не очень. Он и сам своего лица в зеркале пугался.

– Мне девушка нужна. Алиса.

– Вообще-то у неё муж есть.

– А я брат двоюродный, – соврал Стас. – Телефон потерял, в квартире был один раз. Не помню: какой этаж. То ли третий, то ли четвёртый. Машина вон её стоит, значит, дома она.

– Четвёртый, – нехотя ответил сосед. – Как из лифта выйдешь, квартира в углу. Только я тебе ничего не говорил. Брат ты или не брат, не знаю. Сами разбирайтесь.

– Спасибо, – Стас пошёл к подъезду. – Сосед лихо укатил, а Стас остался гипнотизировать цифры домофона, по-

тирая озябшие руки. Перчатки он не взял. Цифр не угадать. Придётся ждать, когда кто-то выйдет. Но, к счастью, повезло. Дверь открылась. Вышла рыженькая девушка в светлой шубке. Волосы заколоты в высокий хвост на затылке. Смерила его взглядом.

– Алиса?

– Ну, допустим, Алиса. А ты кто?

Стас заметил, что накрашена девушка очень сильно. Глаза подведены, ресницы нарощенные. Как-то ему не нравились такие девушки. Его даже от запаха духов подташнивало.

– Эй, парень, ты что меня так рассматриваешь? Я замужем, к твоему сведению.

– Я знаю, – Стас не мог отвести взгляда и так и стоял, перегородив ей дорогу.

– А я вот тебя не знаю.

Стас решил ещё раз попробовать.

– А помнишь, я тебя один раз подвозил, и мы познакомились. Кофе пили на Арбате. Ты ещё там в туристическую фирму ходила... – Стас чувствовал, что не может отпустить девушку. Надо убедиться стопроцентно, что это не Алиса. Второго шанса не будет.

– В упор тебя не помню. Но кофе можем попить, если угостишь. Я ещё не завтракала. Жрать дома нечего. Вот вышла в магаз.

– А ты давно здесь живёшь? – поинтересовался Стас. – В этом доме?

– Слушай, тут со мной такая беда приключилась: я память потеряла. Очнулась после аварии и ничего... Даже мужа не помню. И такое впечатление, что не мой это муж. Ну я бы такого точно не выбрала. Меня от таких подташнивает. Вот даже ты, – она ткнула в Стаса острым ногтем, мне больше нравишься. – Высокий такой. Лицо как у мужика. А мой смазливый, как девка, и поет всё время.

Стас заинтересовался: забавная выходит история. Девушка казалась знакомой и незнакомой одновременно. Ну словно актриса в гриме роль играет.

– погоди минутку, я кое-что проверю, – Стас сунул руку в карман куртки. Взял телефон. Прислонил палец к задней крышке. Нашёл карточку сити банка, а на ней, – он даже присвистнул: – целых пятьсот тысяч. На кофе точно хватит.

– Ну что проверил: жена не звонила? – девчонка улыбалась, но его это вовсе не задевало. В руке она держала пакет с мусором.

– Нет у меня жены, я проверял, есть ли деньги на карте.

– Ну и как?

– На кофе хватит, – Стас улыбнулся. – И на круассаны. Ты точно не помнишь ту кофейню?

– Не-а. Ну а ты почему не помнишь? Я-то после аварии, а ты...

– А я после комы. Вчера выписался.

Оба принялись хохотать.

– Сладкая парочка, – выдавила сквозь хохот Алиса. – Ты

это... мусор выкинь пока, а я тачку прогрею и поедем нашу кофейню искать.

Стас послушно принял мешок с мусором.

– Ты извини, что нагружаю, но мой придурок опять забыл выкинуть. Получит у меня вечером. А красивая женщина разве должна с мусором выходить из дома?

– Не должна, – согласился Стас, всё ещё улыбаясь.

– Помойка за домом направо. Я туда подъеду, – Алиса сделала резкое движение и поскользнулась на каблуках.

Стас не успел её подхватить из-за мусора, а она, пытаясь удержаться за его руку, шлёпнулась на попу, оттолкнув его.

– Ой, умора, – хохотала Алиса, глядя на Стаса. Между ними рассыпался мусор. – Ну ты точно после комы. Реакции никакой.

Стас тоже рассмеялся. Сейчас ему снова показалось что-то знакомое в её лице. От падения рассыпались локоны.

– Вот чёрт, даже заколка расстегнулась. Алиса пошарила в снегу. – А ладно. Мне итак хорошо.

Стас побросал выпавшие упаковки в пакет и теперь рассматривал картофельные очистки в снегу.

– Не вздумай собирать! – приказала девушка. – Вон таджик идёт. Пусть убирает.

Стас поднялся, протянул Алисе руку, и она ловко вскочила.

– Смешно у нас получается. А ведь я не спросила: а зовут тебя как?

– Ты не помнишь? – уточнил он, и они оба снова расхохотались. У Алисы уже текли слёзы и размазывалась подводка.

– Ой, не могу, – хохотала Алиса. – Если ты будешь меня так смешить, я машину не смогу вести. Так как зовут тебя?

Стас тоже вытер слёзы рукой.

– Меня зовут Станислав. Можно Стас.

– Нужно. А то язык сломаешь.

– А меня называй Алла.

– погоди, ты же Алиса.

– Ну не нравится мне это имя. Понимаешь? Оно как будто не моё. Муж бесит меня, когда Лисой называет.

– Ну Алла, так Алла, – согласился Стас, вновь наклоняясь к мусору.

Мимо них как раз проходил мужчина таджикской национальности в рыжем жилете.

– Эй ты, а ну-ка взял и подмёл тут всё! А то я колёса запачкаю! – Пошли, – она схватила Стаса за руку и потащила к машине.

Тот даже не осмелился спорить. В голове у Стаса был полный кавардак, но оно было весело. Он понимал, это не Алиса.

В машине Алиса первым делом опустила зеркало и фыркнула.

– Стрелки полчаса рисовала и всё насмарку. Ох, ну ладно, хоть посмеялись, – девушка стёрла чёрные следы салфеткой и повернулась к Стасу.

– Так сойдёт?

Стас замер. Глаза. Сейчас, пусть даже с чужими ресницами, но без этих стрелок глаза стали беззащитными и очень красивыми.

– Алиса, – прошептал он.

– Ну мы же вроде договорились: Алла.

– Я постараюсь.

– Да что ты тут раскорячился! – высунулась Алла в окно и добавила ещё парочку непечатных выражений водителю, который загородил ей проезд.

Стас поморщился.

Никакая она не Алиса. Но ему нужно пообщаться с ней.

– Поехали в Старбакс? – предложила Алиса, как только захлопнула шлагбаум во дворе, чуть не задев машину, едущую следом.

– Ты что творишь?! – возмутился Стас. – Форд за тобой ехал, а ты его шлагбаумом чуть не прихлопнула.

– Знаю я этого водилу, он за парковку на улице платить не хочет. К нам приезжает и ещё выезд перекрывает своей мыльницей. Номер телефона он, видите ли, оставляет. А почему я должна мёрзнуть на морозе и ему звонить?

– Ну а дворник чем провинился?

Алиса повернулась к нему, и Стас снова не мог оторваться от её глаз. Утонул в них. Некоторое время они так и смотрели друг на друга, пока Стас не буркнул:

– Ты на дорогу смотри.

Алиса притормозила у бордюра.

– Ты прости меня. Сама не знаю, что я так на всех бросаюсь. Но дворник тоже сучара, он пускает к нам во двор чужие машины за бабки. Ну как так можно? – она снова посмотрела на него и раздражённо откинула назад волосы.

Какой потрясающий цвет волос, подумал Стас.

– Не могу жить в этом мире, – вдруг пожаловалась девушка и по щеке вдруг поползла слеза.

– Эй, Алиса...

– Алла.

– Ну ты давай, не хныкай, а? – растерялся Стас. – Мы с тобой пятнадцать минут знакомы, а ты уже троим мозг вынесла.

– Я устала. У меня ещё и муж козёл полный. Денег не может заработать. Того и гляди из квартиры попрут.

А вот с этим я согласен, подумал Стас. И, вообще, она права, если разобраться. Только грубо как-то всё делает, а потом ещё и переживает из-за этого.

– Ладно, – Алла вырулила на дорогу и поехала по Большой Грузинской в сторону Тверской. – Стас хорошо знал этот район. Они с Андрюхой тут всё исходили. И вот в этой кафешке, где бургеры делали, были, и вот здесь в эти новые высокие дома на Брестской заходили.

– Слушай, а Старбакс тут есть. Не понимаю, зачем на машине поехали, – заметил Стас.

Алла повернулась к нему.

– Я люблю ездить на машине. Любимое занятие катать-

ся по городу и рассматривать здания. Потом останавливаюсь перекусить где-нибудь. Снова еду. Вспоминаю, как раньше здесь было. Вот здесь, например, был ресторан «Якорь». – Алиса повернула на Тверскую.

– Да уж, в Москве многое изменилось, – заметил Стас.

– Вот тут был ресторан «София», – заметила Алиса, когда подъехали к площади Маяковского. – Качелей, конечно, не было. Да и, вообще, улица эта называлась в честь Горького. Хотя Тверская мне больше нравится. А вот здесь был ресторан «Арагви» – сказала Алла, когда они проезжали мимо памятника Юрию Долгорукову. – Шашлыки тут были великолепны. – А вот тут кафе «Космос» и знаменитое кафе «Московское», – продолжала экскурсию Алла. – Тут было такое потрясающее мороженое с печеньем. А в «Космосе» фирменным было: два шарика, политых шоколадом и посыпанных орешками. Мне всегда казалось, что это две планеты.

Они встали в пробку на светофоре перед тем, как повернуть налево, и Алла продолжила:

– Знаешь, когда я училась в институте, у меня были жуткие трудности с высшей математикой. Не было ни одного мальчишки в группе, который бы не сделал мне задания. Остался один самый красивый. Ну я набралась храбрости и попросила его. Он не отказал, только странно как-то на меня посмотрел и сказал, что буду должна. Ну и когда он мне принёс чертёж, я пригласила его в «Московское». Он сидел напротив меня, такой красивый, с чёрными волосами, очень

гладкими и причёсанными и карими распахнутыми глазами. А лицо у него было таким мужественным, как у актёра. И мне было так приятно, что он сидел со мной за столиком в одном из лучших кафе. А внизу текла, наполненная автомобилями, улица Горького. И я чувствовала себя такой взрослой, хотя была студенткой первого курса. А потом, – Алла повернулась к Стасу, и он увидел у неё на лице такое счастливое выражение, какое бывает, когда девушка влюблена. – А потом я заказала шампанское.

– Шампанское? – Стас засмеялся. – А он?

– Расслабился и сказал, что я ему всегда нравилась. А когда принесли счёт, не позволил мне заплатить.

Сзади раздался сигнал автомобиля, потом ещё один, а они всё смотрели друг на друга и ничего не слышали.

– Знаешь, а ты похож на него, – улыбнулась Алла, отчего на щеках у неё появились ямочки.

– Я?! Похож?

Гудки становились настойчивее, машины объезжали их справа и слева, заглядывая в стёкла, но этого не замечали ни Алла, ушедшая в воспоминания, ни Стас, шокированный признанием. У него, вообще, голова шла кругом.

Стас пригляделся к Алле. Они были ровесниками, но он не помнил ни кафе «Московское», ни «Космос». Да и, вообще, ничего из перечисленного.

Молодые люди опомнились, когда парень постучал им в окно.

– У вас проблемы? – спросил он, когда Алла опустила стекло.

– Это у тебя проблемы, придурок! Хочу здесь стоять и буду!

Алла изо всех сил нажала на педаль газа, и автомобиль рванулся с места так, что взвизгнули тормоза. Стас смотрел на её профиль: губы злобно поджаты, лицо напряжено.

Это была совсем не та девушка, которая только что рассказывала про мороженое.

Да что же такое происходит?!

Алла погрузилась в молчание и повезла его дальше. Проехала Китай– город и повернула на набережную. Казалось, девушка больше не смотрела по сторонам, а только на дорогу. Оживилась возле Храма Христа Спасителя.

– Представляешь, меня мама сюда водила плавать. Это было так прикольно: вокруг зима, сугробы, а тебе тепло. Только голова наружу в вязаной шапочке.

Алла хихикнула.

Стас ещё больше напрягся. Он знал, что раньше здесь был бассейн. Всё это не укладывалось в голове, которая опять начала болеть. Хотелось кофе. Поесть. Может, тогда он всё поймёт?! Дотронулся до её руки.

– Алла?

– Потерпи! Уже скоро!

Алла остановилась возле высотки на Котельнической набережной.

– Конец маршрута! – объявила девушка и, хлопнув дверью, вышла. Облокотилась на парапет и уставилась на дом. Стасу ничего не оставалось, как последовать её примеру. С набережной дул холодный ветер, в лицо летел снег, но Алла стояла без шапки, лишь иногда отбрасывала прядь, падающую на лицо.

– Представляешь, я жила здесь, – объявила она, не глядя на Стаса. – А теперь живу в этой халупе с придурком мужем.

Стас подумал, что сталинский дом на Тишинке вряд ли можно назвать халупой, но, конечно, это было несравнимо со сталинской высоткой.

– Представляешь, я каждый день приезжаю сюда, – сказала Алла. – И пытаюсь всё вспомнить. По её лицу скатилась слезинка, и Стас неожиданно для себя обнял её за плечи.

– У меня есть предложение. Давай попробуем разобраться вместе.

Алла доверчиво прильнула к нему, и Стас вспомнил Настю. А что, если и Алла начнёт предъявлять на него права? Ведь он похож на парня из её прошлого.

– Только вот есть одна вещь, – сказал Стас, чуть отодвигаясь.

– Какая? – Алла подняла лицо, но он не смотрел ей в глаза. Он видел только волосы цвета опавших листьев, в которых запутались снежинки. Отпустил Аллу и застонал. Сжал ладонями голову.

– Да что с тобой? – спросила Алла. – Тебе нехорошо?

– У меня есть любимая женщина.

– У всех мужиков кто-то есть, – пожала плечами Алла. –

Я на тебя не претендую.

– Обещаешь?

– Замётано, – она протянула ему ледяную ладошку, которую он крепко пожал. – Друзья по несчастью.

Вернулись в машину. Тут было ещё тепло. Алла повернула ключ зажигания и посмотрела на спутника.

– Как думаешь, может, нам уже стоит пообедать? Я знаю тут хорошее заведение. Вкусно готовят. И недорого.

– Согласен, с одним условием.

– Каким?! Хочешь, чтобы я заплатила? Не выйдет! Я за мужиков никогда не плачу! – её лицо опять напряглось, глаза сверкнули недобрым огоньком.

– Если поедешь быстрее, пока я не умер с голоду, – засмеялся Стас. – И я не из тех, кто позволяет женщинам платить.

Алла рванула с места так быстро, что Стас, не успевший пристегнуться, чуть не ткнулся в лобовое стекло.

Глава 5

В кафе Стас усадил Аллу на диванчике, а сам устроился напротив, чтобы наблюдать за ней. К ним поспешил официант: молодой парень с выбритыми висками и длинной чёлкой набок.

– Привет, Миш, – улыбнулась Алла. – Нам два капучино, а позже мы определимся. – Ой, Стас, не спросила, – спохватилась девушка, когда официант ушёл. Может, ты не любишь капучино?

Стас пожал плечами.

– Сойдёт. Часто здесь бываешь?

– Иногда случается, когда тоска нападает. Знаешь, такое чувство? Кажется, что ты находишься не там, где должна и весь этот мир для тебя чужой. Тогда всё раздражает больше обычного.

– Я такое испытываю постоянно, как вернулся домой из больницы, – признался Стас. – Не поверишь: даже мой дом, как будто не мой. Тесный такой, уродливый.

– Точно, – Алла качнула головой, и волосы перекинулись наперёд, опять напомнив ему Алису.

– Слушай, ты только не удивляйся, если мой вопрос покажется тебе странным.

– Давай, – Алла откинулась на диванчик.

– Вот эти кафешки на Тверской, про которые ты расска-

зывала, их же ведь уже не существует.

– Но они были, – Алла пожала плечами. – Я их помню.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь по паспорту, – ничуть не смутилась Алла.

– Ты понимаешь, что ты родилась в 1992 году.

– Ну ты математик.

– В эти годы в стране была перестройка, а после неё на улице Горького, как ты её называешь, всё изменилось. – Ну вот погоди. Мы сейчас у Гугл спросим. – Но Гугл такой информации не дал, показал только старую фотографию этого дома с вывеской «Космос». – Ладно, в восьмидесятые годы там на самом деле было это кафе. Ты рассказывала, что была там с парнем. Тебе тогда должно было быть лет восемнадцать, максимум? Если ты училась на первом курсе института. Так?

– Не понимаю, к чему ты клонишь? Я не сумасшедшая, – Алла сдвинула брови.

К ним подошёл Миша с двумя чашками кофе.

– Что-нибудь ещё? – спросил он.

Алла взглянула на официанта так, что даже Стаса обдало холодом.

– Не видишь, мы разговариваем?!

– Извините, – Миша ретировался, видимо, зная выходки Аллы.

Стас сделал глоток кофе.

– Ты успокойся. Мы решили с тобой разобраться. Если будешь так реагировать, у нас ничего не выйдет, – Стас говорил спокойно, но строго. Сказывалась привычка к переговорам со сложными клиентами. А у него все клиенты были сложными: обычные люди не покупают ретро автомобили.

Алла сделала несколько глотков кофе.

– Ну? – Алла посмотрела на него выжидающе.

– Не нукай и дай кофе выпить, – оборвал её Стас. – С утра ничего не ел.

Глаза у Аллы чуть приоткрылись от удивления. Видимо, никто девушке отпора не давал, подумал Стас, замечая, как разглаживается её лицо. Выпив кофе, Стас полистал меню. Цены здесь были высокие, но это было последнее, что его смущало.

– Что тебе здесь нравится? – спросил он Аллу.

– Мясо в горшочке с картошкой и овощами. Готовят потрясно.

Стас подозвал официанта и сделал заказ, после этого лениво оглядел заведение. Перевёл глаза на Аллу, которая следила за ним, не отрывая глаз.

– Ты что-то хотел сказать?

– Только, если будешь держать себя в руках.

Алла кивнула.

– Мы оба попали в переплёт. И надо понимать, как отсюда выкарабкиваться. Моя мысль такова: ты не можешь помнить кафе, которые уже закрылись, когда ты только родилась или

была ребёнком. Тебе самой это не приходило в голову?

– Ты что, считаешь меня дурой?! – Алла тут же зажала себе рот. – Ой, Стасик, прости.

– На первый раз, – поднял Стас палец и улыбнулся. – Ему захотелось погладить её рыжим кудряшкам, которые мило обрамляли личико, которое так часто изменялось, словно в ней жили два разных человека.

Алла между тем, перебирала бахрому на скатерти и о чём– то сосредоточенно думала.

– Я только злилась, оттого, что всё не так, – Алла, наконец, подняла на него глаза, полные слёз. – Но я должна была догадаться. Я и, правда, дура.

– Человеку всегда трудно разобраться в себе. Перестань, – Стас не мог отделаться от ощущения, что когда она становится такой ранимой, ему хочется обнять её. А, может, и поцеловать. Но он не должен. Это не Алиса, девушка может привыкнуть к нему.

– Так и что со мной? Скажи, что ты думаешь?! – Стас смотрел на неё и сомневался: выдержит ли она. Или запустит в него чашкой. Или уйдёт. Может, лучше пересесть и обнять её, чтобы не убежала. Стас чувствовал: они нужны друг другу. Не так, как мужчина и женщина. Как партнёры по игре под названием «жизнь».

Стас выдохнул.

– Готова?

– Да.

– Обещаешь не запустить в меня чашкой и не сбежать?

– Обещаю, – Алла сложила ладошки, как в молитве. – Пожалуйста. Верни мне мою жизнь.

– Восьмидесятые годы? Кафе «Космос» и того парня?

Стас физически чувствовал, как Аллу распирает. Сидит напротив него, даже дыхание изменилось, кулачки сжала от злости. Да что же за приступы у тебя такие, дорогая?

– Ты обещала, – напомнил Стас.

– Но ты издеваешься, – Алла выдохнула.

– Вовсе нет. Я знаю, что это возможно. Я расскажу о себе. Что ты скажешь о том, что я участвовал в восстании декабристов?

Алла фыркнула.

– Гонишь?

– Хочешь, расскажу?

– Потом. Сначала скажи, что ты думаешь о моей жизни.

– Ты не Алиса, но ты живёшь в её теле.

К его удивлению, Алла восприняла это совершенно спокойно.

– Она красивая эта Алиса. Знаешь, мне так нравится смотреться в зеркало.

Зеркало. Вот. Стас вдруг вспомнил, как он впервые увидел своё отражение. Даже обернулся назад, посмотреть, не стоит ли кто за спиной. Светло-русые волосы, голубые глаза с хитринкой, бородка, чуть темнее, чем волосы. Лицо киноактёра из американского фильма. Он ожидал увидеть себя

таким.

– Ты не считаешь меня красивой?

Он тряхнул головой, отгоняя видение.

– Конечно, считаю, раз я в тебя влюбился. То есть не в тебя, а...

– В моё тело?

– Когда мы познакомились на парковке. Я, правда, этого не помню. Но друг рассказывал, – Стас взъерошил волосы.

– Я тоже этого не помню, – вздохнула Алиса. – Значит, это было до аварии. Я помню больницу, еду, которую нам давали. Правда, это трудно назвать едой. Бурда. Я помню каждый день после того, как пришла в себя. Но не помню мужа. А он мне свидетельство о браке показал. И на паспорте моя фотография. И у него в телефоне фотки. Он мне показывал. Там друзья наши. Ни одного знакомого лица. Как такое может быть?

– После того, как Алиса попала под машину, её душа оставила тело, которое заняла твоя душа.

– Чего? – Алиса смотрела на него так, словно её стукнули по голове. Девушка сгорбилась и втянула голову в плечи. – Что ты несёшь?! Какая душа, какое тело?

Миша принёс тарелку с лавашом. Поставил перед каждым из них по горшочку. Пожелал приятного аппетита. Стас услышал, как забурчало в животе.

– Предлагаю перерыв на еду, – сказал он, открывая крышку горшочка.

Алла не ответила. Смотрела на глиняный горшочек, словно из него джин должен появиться, который всё расскажет.

— Поешь, — мягко сказал Стас. — Это всего лишь моё предположение. Ты сама должна до всего докопаться.

Мясо оказалось мягким и сочным от овощей, вместе с которыми запекалось. Стасу казалось, что он ничего не ел ничего вкуснее. Алла, глядя на него, тоже принялась есть. Иногда качала головой, словно не верила. Один раз стёрла выкатившуюся слезинку. Когда с едой было покончено, Алла всё ещё молчала. Миша забрал пустые горшочки и спросил, будут ли они ещё что-нибудь. Алла сидела, словно в прострации. Подпёрла голову руками и наклонила лицо вниз.

— Чуть позже, Миша. Мы ещё посидим, — ответил за неё Стас.

Алла посмотрела на него.

— Может, муженёк прав? Мне надо к врачу. Как может душа занять тело? Тело это кастрюля что ли? Мне кажется, жизнь одна. Просто у меня потеря памяти. Такое случается после аварии. И я не помню себя.

Алла выглядела такой несчастной, что Стас понял: на сегодня достаточно. Нужно пожить с этой мыслью. Он ведь тоже раньше смеялся над Андреем, когда тот рассказывал, что в медитации видит свои прошлые жизни. Ему, как и Алле, казалось, что жизнь одна. Вот его тело. Тело зовут Стас Трофимов. Есть паспорт с его именем. Всё просто. А потом появилась Алиса и поставила его жизнь с ног на голову. Оказа-

лось, что Стаса можно в больнице оставить, а самому в прошлое прокатиться на безымянном самолёте в девятнадцатый век.

– Хочешь мороженое? – спросил Стас. – Можно Мишу попросить, чтобы приготовили, как в «Космосе».

– Мороженое? – Алла подняла голову. – Давай. Может, мозг охладится, а то вскипел, – девушка пыталась выдавить из себя улыбку.

Миша подошёл, как только Стас поднял руку.

– Миша, у нас необычный заказ. Нам нужно мороженое, которое будет выглядеть, как подавали в кафе «Космос» в восьмидесятые годы.

– Но я понятия не имею, о чём вы, – сказал официант, теребя серьгу в ухе. – Я родился в 1992 году. А где это было кафе «Космос»?

– На Тверской. Тогда называлась улица Горького.

Стасу вдруг пришла в голову идея.

– Скажите, а ваша мама может помнить кафе «Космос»?

– Возможно. Она даже что-то рассказывала. «Мама тогда училась в институте», — сказал Миша, ничуть не удивившись.

– Позвоните маме и спросите. Это очень важно. И я буду очень вам благодарен, если вы сделаете мороженое, как делали в кафе «Космос».

– Подождите.

Миша вытащил из кармана телефон, отошёл на несколько

шагов и начал звонить.

– Стас, но зачем? – удивилась Алла.

– Подожди, это эксперимент.

До Стаса доносились обрывки разговора. Разговаривал Миша с мамой по-доброму. Видно, что они были в хороших отношениях. Закончив, подошёл к их столику.

– Слушайте, оказывается, хитовое место было этот ваш «Космос». Надо погуглить. Тверская дом четыре. Мама, оказывается, там частенько бывала с подружками. Там было ещё мороженое «Марс» и «Солнышко». Слушайте, но вы, правда, хотите, чтобы я это приготовил? У нас есть в меню поинтереснее.

– Ничего не говорите, – перебил его Стас. – Мама описала, как выглядело это мороженое?

– Да, но...

– Приготовьте, пожалуйста, и побыстрее. Тогда щедрые чаевые вам обеспечены.

Стас посмотрел на Аллу. Она выглядела ещё больше сбитой с толку.

– Зачем тебе это?

– Хочу попробовать, – улыбнулся Стас. – Расслабься, Алла. Он сейчас приготовит, а тебе нужно лишь будет сказать, таким ли мороженым тебя угощал тот парень?

– А ты не будешь считать меня сумасшедшей?

– Нет, я и сам немного не в себе, как видишь.

Алла засмеялась. Стас тоже. Атмосфера разрядилась, Ал-

ла даже успела рассказать немного о своей настоящей жизни. На самом деле она скучает. Муж говорит, что она раньше где-то работала и настаивает, чтобы она вернулась на работу. Но Алла ничего не помнит. С работы один раз позвонили, она испугалась и сказала, что больше не придёт. Конечно, ей скучно дома, но она совершенно не знает, чем могла бы заняться. Так что её жизнь составляют поездки по Москве и шоппинг.

– Знаешь, в гардеробе Алисы оказалось столько скучных вещей. Я совершенно не могу это носить. Юбки слишком длинные, а о платьях и говорить нечего.

Сегодня на ней была короткая кожаная юбка, сапоги ботфорты на каблуках и колготки с рисунком. Блестящий свитер обтягивала высокую грудь, на шее сразу несколько металлических цепочек с кулонами, которые позвякивали, когда Алла шевелилась. Достаточно странный наряд для утра.

Появился Миша с подносом. Стас почувствовал, как забилось сердце.

– Ну вот, как мама описывала, – официант с довольным видом поставил перед Аллой вазочку с двумя шариками, залитыми шоколадом и посыпанными орешками.

– Это оно! То самое! Моё любимое! – Алла захлопала в ладоши.

Миша довольно улыбнулся, ставя такое же мороженое перед Стасом.

– Стасик, ты чудо, что это придумал. А ну я попробую,

– Алла запустила ложечку. – Тот же самый вкус, как тогда в мои восемнадцать, – глаза у Аллы заблестели, когда она снова подцепила ложкой мороженое с шоколадом.

Внезапно её лицо изменилось, стало напряжённым. Алла помотала головой и пробормотала: «Не может быть!»

– Что? – спросил Стас.

Глаза у Аллы затуманились, ложка выпала из рук. Стасу показалось, что девушка сейчас потеряет сознание. Но она лишь только обхватила голову руками и снова запричитала: «Этого не может быть. Я не могла быть такой. Я не хочу быть такой».

– Зачем ты это сделал?! – Алла смахнула мороженое на пол. Вазочка разлетелась на куски на каменном полу, мороженое растеклось, а девушка, всхлипнув, выскочила из-за стола.

Стас, чуть помедлив, ринулся за ней, но Алла закрылась в туалете и оттуда донеслись рыдания. Что я натворил? – подумал Стас и выглянул в зал. Уборщица убирала осколки и вытирала пол. Миша озибался по сторонам. Стас помахал ему рукой. Он подошёл к ним.

– Ничего не понимаю, – сказал он. – Она же обрадовалась. Почему она сбросила мороженое со стола?

– Тебе показалось. Задела случайно. Неожиданно плохо себя почувствовала, – Стас сунул ему в карман пятьсот рублей. – Принеси счёт. И унеси мою порцию мороженого.

– Как скажете, – Миша старался держать себя в руках.

Стас оплатил счёт, но Алла ещё не выходила. Он начал терять терпение и думал, не выломать ли дверь, как она появилась. Бледная заплаканная, но ещё больше похожая на Алису.

– Извини. Я опять не сдержала обещания, – Стас взял её под руку. – Давай сядем в машину, и ты мне всё расскажешь.

– Я не хочу об этом говорить, – Алла всхлипнула и положила ему голову на плечо.

Глава 6

Стас подал Алле шубку, она безучастно просунула руки в рукава. Протянул шарф, но девушка даже не отреагировала. Тогда он сам намотал ей шарф сверху. Быстро надел пуховик и, подхватив Аллу под руку, вывел из кафе. На улице шёл сильный снег, который хлопьями спускался на рыжие волосы Аллы. Девушка шла медленно. Стасу показалось, что она слегка прихрамывает.

Они молча прошли к машине, уже занесённой снегом. Стас усадил Аллу на переднее сидение. В автомобиле было холодно, но Алла сидела, глядя перед собой, даже не включая зажигание. «И зачем я только заказал это мороженое?» – ругался на себя Стас, наблюдая за Аллой. В таком состоянии и машину вести опасно, а у него прав нет с собой. Стас не знал, сколько они так просидели в холодной машине, наблюдая, как лобовое стекло засыпает снегом, образуя некое убежище, отгораживая их от суетного мира. Наконец, Стас потёр замёрзшие руки и решился:

– Давай прогреем машину.

Алла сунула ему в руки сумочку и, опершись на руль, положила на него голову. Стас даже думал выйти и позвонить Андрею, чтобы посоветоваться, но боялся, что, оставшись одна, Алла может уехать. Придётся справляться самому. Стас обнял Аллу за плечи и поднял её от руля. Лицо

казалось застывшей маской. Он вынул из кармана платок и стёр остатки косметики и размазавшейся красной помады.

– Расскажи мне всё, – попросил он.

Алла качнула головой, выражая то ли сомнение, то ли отрицание, и тогда он сделал то, что ему давно хотелось: начал гладить её по волосам. От неожиданной ласки девушка замерла, потом положила голову ему на плечо.

– Обещаю тебе, что бы ты не увидела, мы справимся с этим вместе. Я знаю: из-за этого мороженого, ты вспомнила своё прошлое, – Алла вскинулась на него, губы приоткрылись. – В любом случае, надо пройти это. Тебе не справиться в одиночку, – Алла сделала протестующее движение рукой, подняла голову, но тут же снова опустила её, и Стас понял, как мало у неё осталось сил. Сейчас ничто в ней не напоминало амбициозную девушку, которую он встретил у подъезда несколько часов назад.

– Но я не хочу быть такой, – еле слышно сказала Алла. – Ты не представляешь, что такое уродство. Многие люди, к счастью, не знают, что это такое. Вот почему я так ценю, какая я сейчас. И, пожалуйста, не говори, что это не я.

– Хорошо, не буду.

– Обещай, что не бросишь меня?

Стас молчал. Вспомнилась Настя. Женщины имеют особенность привязываться. Если он пообещает, Алла придумает, что она ему нравится и начнёт строить планы, а ему нужно быть свободным. Алла, между тем, не сводила с него

глаз. Припухших и даже красных с так неподходящими к лицу щётками чужих ресниц.

– Алла, я не брошу тебя, но мы останемся только друзьями.

– А ты всё боишься, что я западу на тебя? Да зачем ты мне нужен?! Я сейчас такая красавица. Даже на каблуках могу ходить. И танцевать могу. Да я любого мужика могу поиметь, если захочу. Ты сам ещё будешь проситься ко мне в постель. А я не пушу.

Стас слегка улыбнулся. Кризис миновал: девушка возвращалась к своему прежнему состоянию.

– И правильно. Не пускай. Мне нужно найти мою Алисочку.

– Ой, Алисочку. Не верю я в любовь и прочую фигню.

Стас резко повернулся к ней.

– А почему ты тогда не могла ходить на каблуках и танцевать? Что у тебя было с ногами?

Алла побледнела, не готовая к такому повороту. Отвернулась к окну. Опять длинная пауза. В машине уже занесло и боковые стёкла, а на лобовом стекле тепло от мотора пробило мокрую дорожку. Жизнь, хотели они или нет, возвращалась, напоминая о себе спешащими мимо прохожими и проезжающими автомобилями.

Алла повернулась к Стасу.

– Мне нужно съездить к моему дому.

– Зачем?

– Мне кажется, теперь я пойму, почему меня так притягивает это место.

– Сначала ты мне всё расскажешь. Иначе я тебя не пушу.

– Хорошо, как ты меня достал! – лицо у Аллы стало злым.
– Хромоножка я была в той жизни, – выплёвывала она слова, словно шелуху от семечек. – Понимаешь?! Припадала на правую ногу. Из-за этого и танцевать не могла и на каблучках ходить. Ты вот не знаешь, что это такое?! Ты не знаешь, какой кошмар для восемнадцатилетней девушки быть хромой?!

– Не знаю, – покачал головой Стас и потянулся к её руке, но она отдернула её. – Не надо меня утешать! Ты хотел услышать? Изволь. Когда в кафе он сказал, что я ему нравлюсь, я забыла о своей хромоте. Почувствовала себя желанной и чуточку любимой. И на этот миг мне показалось, что я, как те девчонки, которые проходили мимо меня, красиво встану и пройду мимо него в туалет привести себя в порядок. И я вскочила, но больная нога затекла, и я, чтобы не упасть, ухватилась за стол. Стол наклонился, и с него упала на пол моя вазочка с недоеденным мороженым. Мой спутник так растерялся, что даже не помог мне, и я проковыляла мимо него к лестнице. И когда я спускалась, увидела в зеркале девушку, которая припадала на одну ногу. Я смотрела на себя, не отрываясь. Моё уродство притягивало меня. Когда я дошла до туалета, то приникла к другому зеркалу. Думала, что я похорошела от его слов и моё лицо изменилось. Но я

увидела гладко зачёсанные назад волосы мышиноного цвета, нос картошкой и такого же цвета глаза, в которых застыла моя печаль. Как этот красивый парень мог сказать, что я ему нравлюсь? Как такая девушка, как я, может, вообще, кому-то нравится, если я противна самой себе?

Алла тыльной рукой ладони стёрла слёзы, катившиеся по щекам. Повернулась всем телом к Стасу, ожидая, как приговора, его слов.

Стас знал: от того, что он скажет, многое зависит. Нужно найти правильные слова, чтобы поддержать её. Теперь он окончательно понял: тело Алисы заняла другая душа. Душа, которая до этого жила в искалеченном теле и страдала. Алла не договорила, но из её слов можно предположить, что этот парень, с которым она ела мороженое, скорее всего, поиграл с ней и бросил. Вопрос: зачем ему хромоногая девушка? Стас, честно говоря, бежал бы от неё подальше. Так же поступили бы и остальные парни. Но этот парень сказал, что Алла ему нравится. Вполне возможно, им руководил некий расчёт. Стас вспомнил: как Алла смотрела на высотку на Котельнической набережной. Скорее всего, её родители были из высокопоставленной семьи, и он, зная это, надеялся войти в эту семью. Другой вопрос, который мучил Стаса, сколько лет было этой душе Аллы, когда она покинула тело? Если бы она жила, ей сейчас было около пятидесяти. Ладно, он подумает об этом позже.

Стас взял Аллины руки. Они долго, словно дети, которые

играют в игру, кто кого переглядит и не моргнёт, смотрели друг другу в глаза.

– Я не знаю, что тебе сказать, – признался Стас. – Все слова будут лишними. Единственное, что я могу: помочь тебе раскрутить этот клубок. Придётся копать глубже. Всё, что в моих силах, я сделаю, кроме... – он остановился и прикусил себе язык. Он мог бы снова не напоминать, но вот вырвалось.

– Я поняла, кроме любви, – Алла усмехнулась. – Меньше всего об этом хотелось бы сейчас думать. Хотя вопрос: неужели, даже в теле твоей любимой девушки, я тебя не привлекаю? – Алла кокетливо поправила рыжие волосы и призывно улыбнулась.

– Ты не Алиса, – сказал Стас. – Для меня тоже стало откровением, что я люблю душу, а не тело. Я глубоко забивал на эту эзотерику, пока не пришлось убедиться лично. Так что уж, извини.

– Да ладно, – Алла освободила руки и забарабанила пальцами по рулю.

– Нас основательно засыпало, – сказала она.

– Если у тебя есть щётка, я почищу машину от снега.

– Щётка в багажнике, – Алла взглянула на часы. – Вот чёрт. Совсем забыла, что у меня сегодня маникюр. А отменить уже не получится, проще успеть.

– Вот и хорошо, – обрадовался Стас. – С нас обоих на сегодня достаточно. С тем, что ты узнала, надо, как говорится, переспать.

– Это уж точно, – фыркнула Алла, – хотя меня снова тянет посмотреть на мой дом.

– Предлагаю заняться этим завтра. Кстати, у меня есть план.

– Какой?

– С тех пор, как ты там жила, прошло около тридцати лет. Многие жильцы, конечно, сменились, но, возможно, найдётся кто-нибудь из старожилов...

– Кто мог помнить хромоножку?

– Я бы сказал, девушку, которая прихрамывала, – мягко заметил Стас.

Особенно, если с ней была связана трагедия, которая Стас, чувствовал, имела место быть.

– Ты так добр ко мне. Будешь тратить на меня своё время, хотя я тебе не нужна. Это из-за того, что у меня тело Алисы? – спросила Алла.

– Отчасти да. Пусть тебя это не обижает. А ещё, распутывая твою жизнь, мне кажется, я найду её.

– Алису?

– Да.

– А ты не сердишься, что я заняла её тело? Сразу скажу: я покидать его не собираюсь. Я заслужила право побыть красивой. Нравиться мужчинам. Бросать их. Знаешь, я уже наставила своему мужу рога.

– Что? – удивился Стас, радуясь, что Алла оживает. Щёки у неё порозовели, лицо стало игривым, как и раньше.

– Сейчас расскажу. Обхохочешься. Муженёк был в соседней комнате. Крепко спал, пока мы развлекались. Ой, – спохватилась Алла, – маникюр! Опаздываю ужасно.

Стас был рад, что пристегнулся. Если Алла и раньше лихо водила машину, то сейчас она неслась, плюнув на все правила и безопасность. А когда всё же им попался светофор, и Алла не могла его проигнорировать, она даже подпрыгивала от нетерпения на сидении. Стас не выдержал:

– Слушай, неужели для тебя так важен маникюр?

– А ты думал?! Только этот мастер делает такой дизайн ногтей.

– Ну а камеры везде стоят? Штрафы придут, – не сдавался Стас.

– Муженёк твоей Алисы пускай оплачивает, – Алла резко притормозила, и тут же обогнала впереди идущий автомобиль по встречке, и втиснулась в узкую дырочку на своей полосе. Стас еле сдержался, чтобы не выругаться.

– Если трусишь, могу тебя высадить, – заявила Алла, сигналя фарами, чтобы её пропустили на повороте.

– Да уж ладно, вдруг тебе понадобится помощь.

– Понадобится. Машину у дома припаркуешь, а то возле салона встать негде. Ой, забыла тебе рассказать, как рога этому козлику наставила. А знаешь, этот его одноклассник оказался ничего себе мужик. Хочешь, узнать, сколько раз я получила удовольствие?

– На дорогу смотри?! – взорвался Стас, когда машину за-

несло и крутануло на встречу. – Со всех сторон отчаянно сигналили.

– Пять, – растопырила пальцы Алла, поворачиваясь к Стасу и улыбаясь, словно кошка, наевшаяся сметаны.

Алла лихо вывернула руль и вернулась на свою полосу, ворча:

– Ну что за мир! Поговорить не дадут. И какого лысого эти чайники машин понакупали: ездить невозможно.

Наконец, Алла притормозила у салона на улице Васильевской. Парковаться здесь было совершенно негде.

– Стасик, выручай, – Алла выскочила из машины, оставив включённой зажигание и, чмокнув его в щёку.

– Подожди, телефон оставь, – успел сказать Стас.

– Ах, ну да. Давай диктуй свой, я наберу. Номер свой наизусть не помню.

Сбросив звонок и занеся его в контакты для сохранности, Стас сел за руль и поехал выполнять поручение Аллы, молясь про себя, чтобы гаишники не засекали, что у него никаких прав на красную Киа Рио нет. Да и, вообще, мужчина за рулём такой машины выглядит странно.

Алиса всё ещё не могла выбраться из квартиры, сама не зная почему. С утра наблюдала, как похитительница её тела крутится перед зеркалом, собирая волосы в причёску, даже не думая, как следует пригладить кудряшки. Она, Алиса, никогда бы не позволила себе выйти на улицу с таким вороньим гнездом на голове. А уж когда та стала одеваться, Али-

са только и думала про себя: шлюшка, шлюшка, шлюшка. И только, накинув шубку, под которой скрылась юбка, больше похожая на пояс, Алиса успокоилась. Она так разозлилась, что не проводила её из окна. Она итак знала, что та сядет в её любимую Краснушку, так Алиса называла свою машинку, и куда-нибудь укатит. Эта девица так делала каждый день. Конечно, Алиса могла бы прокатиться с ней, но ей больше нравилось остаться одной в квартире.

А вот сейчас Алиса соскучилась и подлетела к окну. Ах, вот и она. Неплохо паркуется, подумала Алиса, наблюдая, как Краснушка аккуратно с первого раза втиснулась между двумя автомобилями. Ну хоть что-то ты хорошо делаешь, — одобрила Алиса. И вдруг из машины, вместо наглой девицы, вышел мужчина с тёмными волосами. Щёлкнув сигнализацией, он уставился на окна. Алиса запаниковала. Несмотря на приличное расстояние, она чувствовала, что-то знакомое в этой высокой фигуре. Если бы она была в теле, то описала бы своё состояние, как сердце замерло. Мужчина запахнул пуховик. Алисе показалось, что он видит её. Нет, ей показалось, что он ищет её. Как будто он знает, что она здесь.

Какое-то странное поведение, размышляла Алиса. Почему он стоит и смотрит на окна? И, вообще, что он делал за рулём моей машины? Может, ждёт кого-то?

Мужчина стоял достаточно долго, а потом махнул рукой и быстро пошёл через двор к переулку.

Алиса отлетела от окна, как будто её оттолкнули. Она бы-

ла уверена: этот мужчина попрощался с ней.

Глава 7

Стас подошёл к дому, чувствуя себя таким усталым, словно целый день провёл на совещаниях. В окнах свет не горел. Он от души надеялся, что Настя собрала свои вещи и ушла из его жизни навсегда.

Квартира встретила запахом женских сладковатых духов. Стас поморщился, сбросил ботинки и прошёл в спальню. В углу шкафа сиротливо приютились его костюмы и рубашки. Настиных чемоданов и вещей не было. Стас выдохнул: ушла!

На кухне в раковине стояла немытая посуда, а на зеркале в ванной красной помадой: Ты ещё пожалеешь!

Вот ведь самонадеянные женщины. Если уж жалеть, то о своей неразборчивости. Если Настя была его невестой, как он, вообще, мог это допустить? Уж лучше быть одному. Но тогда ему казалось, что все так живут, а любовь существует только в романах.

Стас вспомнил, когда смотрел на окна квартиры Алисы, ему казалось: Алиса там. Странное ничем необъяснимое ощущение. Он мог бы назвать окно, из которого она смотрела. Хотя... это легко проверить. Он набрал Аллин номер.

– Извини, если отвлекаю, – Стас подумал, что Алла могла быть уже дома. А там муж. – Один вопрос надо уточнить.

– Сейчас на громкую связь поставлю, а то мне ногти делают. Давай свой вопрос.

– Ты живёшь на пятом этаже, а окно прямо на подъезде, где водосточная труба.

– Откуда знаешь? «Следил за мной?» — кокетливо спросила Настя.

Стас почувствовал, как забилося сердце. Он подумал, что он на громкой связи и их ещё слушает маникюрша.

– Конечно, как не следить за такой красивой девушкой, — подыграл он ей. — Спасибо, не буду отвлекать.

– Только ночью в окно не влезай, милый, — Настя рассмеялась, и Стас подумал, что это она специально сказала, возможно, их слушала не только маникюрша, но и другие клиенты. Эта девушка всегда работала на публику.

– Тогда до завтра, милая, — в тон ей ответил Стас.

Стас откинулся в кресле и закинул руки за голову. Значит, ему не показалось. Душа Алисы дома, пока её тело бродит с ним. Вот ведь дурдом.

Стас набрал номер Андрея.

– Андрюш, не отвлекаю?

– Нет, в пробке стою. Ну как, нашёл свою Алису?

Стас вкратце описал их приключения.

– Ох, ну ничего себе. Получается, она вернулась, а тело занято? Вы же ведь вместе с ней были в этом ...хм... путешествии.

– Получается так. А ты вот мне скажи, эзотерик наш, где тогда может душа Алисы быть?

– Слушай, ну как в книжках пишут, должна возле тела

крутиться, пытаться вновь его отвоевать. Ну это, если характер есть.

– Допустим. А, если тело ушло, душа может дома остаться?

– Всё, может быть, Стас. Может, душа её в депрессии: вернулась, а тело занято, квартира тоже занята. Слушай, твоей Алисе не позавидуешь. Зависнет там на долгие годы.

– Нет! Я её вытащу.

– Слушай, ну флаг тебе в руки, конечно. Ты можешь в эту контору сходить на Арбате и объяснить ситуацию. Вдруг они что-то придумают.

– Спасибо, друг, – обрадовался Стас. – Только вот я адреса не помню.

– Посмотри в интернете.

Стас тщетно облазил кучу сайтов, но ничего подобного на Арбате не нашёл. Надо ехать на место и разбираться, решил он. Но сначала отдохнуть. Ему вдруг неожиданно захотелось есть. Залез в холодильник и обнаружил там коробку яиц. Хлеба, правда, не было, но сил идти в магазин не осталось. Ладно, без хлеба. Стас соорудил себе яичницу с луком на четыре яйца и включил телевизор. По первому каналу по-прежнему обсуждали Украину, переключил на новости, но пока засыпал, ничего нового для себя не обнаружил. Мир за то время, пока они жили в девятнадцатом веке, замер. То ли дело, они попали. Смена власти императоров, союз спасения, декабристы. Вот это была жизнь, вздохнул Стас. Вер-

нуться бы туда с Алисой. Он найдёт эту контору, даже если ему придётся стучаться в каждый дом и в каждую квартиру.

Проснулся Стас когда, ещё не было шести. Ещё пахло духами, но уже присутствовало ощущение свободы. Да и сил после крепкого сна было достаточно, чтобы стереть прощальную надпись Насти с зеркала. Некоторое время Стас рассматривал своё отражение в чистом зеркале. Кажется, он начинает привыкать к своему облику и уже не пугается. Только вот мышцы ослабли. Стас пощупал бицепс и вспомнил, что в спальне есть штанга и гантели, с которыми он раньше занимался.

Расстелил коврик, включил музыку и посвятил целый час тренировке. Настроение улучшилось, сил действовать прибавилось. Итак, сегодня он собирался: найти контору на Арбате, которая занимается переселением душ, поехать с Аллой к высотке и постараться выяснить, кем она была раньше. Было ещё кое-что. Ему очень нужно попасть в квартиру Аллы. Конечно, в отсутствии её муженька. Алиса там. Только вот он ведь не сможет с ней пообщаться, он не экстрасенс. Как вот только убедить Аллу, что ему нужно остаться в её квартире одному? Ведь если Алла будет крутиться рядом, он ничего не почувствует.

Около девяти позвонил Андрей.

– Слушай, друг, а ты на работу собираешься возвращаться? Твой старый клиент нарисовался. Собирается приехать. О тебе спрашивал. Мне что говорить?! Ты ещё в отпуске или

болен?

Стас рассмеялся.

– Болен, я Андрюх, на всю голову. Пока не найду Алису, и мы не решим, где жить, ни о какой работе речи быть не может.

– Ну ты, правда, болен, – протянул Андрюха. – Надо же так запасть на бабу. Пардон, женщину. Её уже и в теле нет. Раз тело эта Алла обжила.

– Да уж, Аллу не выгонишь, – рассмеялся Стас. – Она за это тело бороться будет до последнего дыхания. Я попробую сегодня контору эту найти. Пусть они нас куда-нибудь отправят опять. Мне знаешь, как-то в этом мире не очень нравится.

– Слушай, если бы я тебя не знал, посчитал сумасшедшим. Ты что так и собираешься по чужим телам скакать? – Стас молчал. Ему всё равно только бы с ней рядом, но вот говорить об этом Андрюхе не стоит. – погоди, а с фирмой твоей что тогда? – не унимался Андрей. – Вдруг ты вернёшься, а твоё тело занято, как у этой Алисы. Придёт этот некто и выгонит меня с работы. Фирма на тебя оформлена. А у меня кредиты. Я, вообще, на каких основаниях на тебя работаю? Ты тогда фирму переоформи на меня. Ну на всякий случай.

Стас почувствовал замешательство. С одной стороны, Андрей был прав, а с другой, как-то обидно стало. Фирма эта как его ребёнок, которого он вырастил. Как вот так взять его и отдать? А вдруг они с Алисой тут жить решат. Ему надо

будет семью обеспечивать.

– Мы договоримся, – дипломатично сказал Стас.

– Хочешь совет?

– Нет.

– А ты всё-таки послушай: всё что ни делается, к лучшему. Пропала эта Алиса и хорошо. Втянула тебя во всю эту историю, ты голову потерял. Пройдёт время, забудешь. Найдёшь...

– Я понял, – перебил Стас. – Давай, у меня тут вторая линия, – Стас отбросил телефон на диван.

Нужны мне его дурацкие советы, – пробормотал он и поставил чайник.

Позавтракав, Стас решил больше Андрюху в свои дела не посвящать. Выйдя из подъезда, посмотрел на одиноко стоящую мазду шесть. За руль по–прежнему не хотелось. Лучше пройтись. День занимался погожий. Лёгкий мороз и солнце. Даже уродливые многоэтажки в его районе сегодня, благодаря солнечным лучам, приоделись в светлые наряды. Как я мог выбрать этот район? – вздохнул Стас и перевёл взгляд на сияющее голубое небо.

В десять, когда Стас вышел из метро Арбатская, позвонила Алла.

– Привет, товарищ по несчастью, – голос у неё был бодрый, но хриплый.

– Привет, – отозвался Стас. – Ты что, заболела?

– Заболела. Температура тридцать восемь.

– Тогда всё отменяется. Надо вылечить.

– Да уж придётся, – Алла вздохнула. – У меня и сил только на кнопку от пульта нажать, сериал посмотреть.

Стас пожелал ей здоровья и отключился. Ну вот, одно дело отпало. Видимо, Алла вчера перенервничала. Да и в холодной машине долго сидели. Эх, жаль, но, видимо, откладывается их встреча. Может, с Аллы и хватит пока.

Стас встал напротив ресторана «Прага» и огляделся. Арбат новый или старый? Выспавшийся мозг тут же подsunул картинку серой высокой книжки. Ага, значит, контора находится на Новом Арбате, но отчего-то тянуло на старый Арбат. Ему всегда нравилась эта пешеходная улица, на которой в любое время многолюдно. Вот и сейчас напротив кулинаруии сидели художники с выставленными портретами, мимо которых спешили по своим делам прохожие. Создавалось впечатление, что те, кто живут в Москве, вечно спешат. Стас двинулся мимо старинных особнячков, пестревших вывесками, к театру Вахтангова, стараясь не обращать внимания на утреннюю суету. Ему хотелось покоя, хотелось вспомнить, отчего же эти милые домики напоминают что-то родное, связанное с утерянным ощущением счастья. Мозг жил своей жизнью. Ему так и слышались стук копыт и окрики извозчиков на лошадей. Показалось, что из экипажа вышла дама, закутанная в манто. На миг Стас увидел её необычного цвета фиалковые глаза на изумительно красивом лице. Губы сами сложились, прошептав «Мари».

Стас чуть не подпрыгнул. Так вот что не давало покоя. Не Мария, а Мари. Стас двинулся вперёд, повторяя имя, звучащее как музыка. Мари-Алиса. Возможно, он называл её так. Стас не заметил, как свернул с Арбата, не на Новый Арбат, а направо и вдруг застыл перед зеленоватым особняком, спрятавшимся за воротами, которые охраняли мраморные львы с гордо поднятыми головами. Стас, задрав голову, рассматривал львов, не обращая внимания на снующих прохожих. Кто-то толкнул его, и Стас еле удержался на ногах. Маленькое потрясение добавило картинку другого дома, выкрашенного в песочный цвет с колоннами. Парадный вход украшали львы. Возле одного из львов стояла молодая женщина и улыбалась ему. Мари, прошептал Стас.

«Выходя из дома, я всегда тру нос льву на счастье», услышал он.

Когда Стаса в очередной раз толкнули, он пошёл назад. Теперь картинки мелькали в его голове так быстро, словно показывали фильм. Мари в бальном платье с бокалом шампанского. Мари кружится в вальсе с кавалером. Мари с распущенными волосами, закутанная в покрывало, смотрит на него. И тут он совершенно явно услышал: «Я люблю тебя, Николаша-Стас и клянусь всегда любить твою душу, в каком теле она бы ни была». Во рту появился привкус крови. Так вот оно что, подумал Стас. Он вытащил правую руку из кармана и осмотрел ладонь. Ничего. Перевернул вверх и на безымянном пальце увидел шрам, на котором выступила ка-

пелька крови. В голове тут же прозвучали слова: «В каком теле мы бы ни были, на пальце останется шрам, который не даст надеть обручальное кольцо, если кто-то из нас решит сочетаться браком». Так вот оно что. Стас слизнул капельку крови, чувствуя, как от свалившейся от него информации, заболела голова.

Нужно выпить кофе. На прощанье поднял голову и помахал лвам. Жаль, что вы сидите так высоко, что я не могу потерять вам носы на счастье, тихо сказал Стас и поспешил обратно, читая вывески на домах в поисках кафе.

И вот что оказалось странно, сколько ни петлял Стас по переулкам, кафе, где можно кофе выпить ему не встречалось. Попалось несколько ресторанов, в которые заходить не хотелось. И вдруг ноги сами привели к Новому Арбату. Стас перешёл через подземный переход и покрутил головой. Место казалось ужасно знакомым, даже погода была такая же, как в тот день, когда они с Алисой тут были. Повинуясь инстинкту, Стас пошёл в сторону метро Арбатская, внимательно изучая дома-книжки, расставленные вдоль проспекта, словно в огромной библиотеке. От собственного сравнения Стас улыбнулся. Вдруг он увидел, как шальной водитель, перерезав несколько рядов, сопровождаемый гудками разъярённых автомобилистов, свернул в переулок. В голове что-то щёлкнуло, а в ушах послышался возмущённый голос Алисы: «Мы могли разбиться». Ну да, он тоже так сделал в тот день.

Стас прибавил скорости, он почти бежал от нетерпения. Ну, конечно, это тот самый переулок, а вот и кофейня Он быстро зашёл внутрь. Посетителей мало. Столик у окна, который выбрала Алиса, свободен. Стас рухнул на стул. Сил не осталось даже посмотреть меню. Заказал круассан с ветчиной и двойной американо.

– Если можно, поскорее, – сказал он симпатичной девушке с хвостиком.

– Вы торопитесь? Вам с собой?

– Я просто голоден, – сказал Стас.

– Постараюсь, – улыбнувшись, официантка убежала, а Стас закрыл глаза, пытаясь вспомнить, о чём же они с Алисой говорили.

– Пожалуйста. Так быстро, как смогла, – официантка поставила на столе еду и выжидающе уставилась на Стаса. – Что-нибудь ещё?

– Счёт, – Стас откусил большой кусок тёплого круассана. Восхитительно. Жаль, что он не помнил их разговора с Алисой. Да и вряд ли они могли говорить о чём-нибудь важном. Два незнакомых человека. На миг вспомнилось лицо Алисы: напряжённое, не располагающее, ни к разговору, ни к знакомству.

Расплатившись, Стас вышел на улицу и сощурился от яркого солнца. Как же прекрасно, когда в Москве солнце и жаль, что оно бывает так редко. Так, куда же пошли тогда? – сосредоточился Стас. Повертел головой, а потом, словно

кто-то толкнул его в плечо, развернулся и пошёл в противоположную сторону. Впереди возвышалась очередная арбатская книжка, возле которой стояла небольшая группа людей и женщина в шубе – экскурсовод. Стас остановился.

– Дома в стиле советского постмодернизма, – бодро вещала женщина. – Считается, что задумывая ансамбль Нового Арбата, – Никита Хрущев был вдохновлен современными американскими городами – застроенной небоскрёбами набережной Гаваны, широкими проспектами Нью-Йорка. Благодаря необычной архитектуре «домов-книжек» Новый Арбат в советские годы зачастую называли «московским Бродвеем. Цокольные помещения занимают магазины, а верхние этажи сдаются под офисы».

Услышав про офисы, Стас посмотрел на двадцатишестистажное здание. Что– то внутри подсказывало: офис здесь. Но на каком из двадцати шести этажей?

– Здания возводились в рамках проекта по застройке Калининского проспекта – это старое название улицы Новый Арбат, бывшее в употреблении до 1993 года. Руководил проектом главный архитектор Москвы – Михаил Посохин. Однако многие москвичи не оценили облик новых строений и по имени архитектора и их форме прозвали высотки «посохинскими сберкнижками», – лез в уши Стаса навязчивый голос экскурсовода через микрофон.

Вообще-то Стасу нравилось слушать историю Москвы. Да и когда он первый раз попал сюда, ему Новый Арбат понра-

вился. Тогда, правда, был вечер и все фасады, и сами дома-книжки по периметру, переливались огнями.

Группа двинулась вперёд, а женщина-экскурсовод, посмотрев на него, сказала:

– Присоединяйтесь, молодой человек. У нас бесплатная экскурсия.

– Нет, спасибо, – Стас, обойдя группу, приблизился к вышке и вошёл в подъезд. На входе вертушка, а в стеклянной будке мужчина пенсионного возраста с поседевшими кустистыми бровями и редкими волосами.

– Вы куда? – деловито осведомился он.

– Знаете, был тут однажды, а номер офиса не помню, – Стас чувствовал себя неловко, хотя лицо мужчины казалось ему знакомым.

– А название фирмы помните?

– Нет, к сожалению. Даже этаж не помню.

– Ну а чем фирма то занималась?

– Путешествия по... заказу, – Стас смутился. – Вывески у них не было.

– Слушайте, – мужчина внимательно посмотрел на Стаса. – Вы не помните, зато я вас помню. И помочь могу, если, как в прошлый раз, ручку, как говорят цыгане, позолотите.

– Вы меня помните? – обрадовался Стас.

– И этому две причины есть, – ещё шире улыбнулся вахтёр. – Все про офисы спрашивают, а вы девушку искали.

– Точно, – обрадовался Стас. – Девушку с рыжими воло-

сами.

– Я уж про волосы не помню. А вы, видимо, в ту контору попали, если память вам отшибло. Наверно, пришли в суд на них подать? Они шарлатаны, точно вам говорю. Хорошо, последнее время к ним почти никто не ходит.

– Да я в аварию попал, вот и с памятью проблема, – признался Стас. – А контора не при чём. Мне нужно узнать кое-что, – Стас полез в бумажник и достал тысячную купюру. – Если поможете, буду благодарен.

– Да как не помочь, – мужчина схватил купюру. – Комната пятьсот двадцать, пятый этаж. Ихний представитель прошёл туда пол часа назад.

– Спасибо, – Стас проскользнул в вертушку и не в силах ждать лифта, бегом поднялся на пятый этаж. Задохнулся. Нетренированное тело давало о себе знать, но нетерпение гнало вперёд. Постучал в нужную дверь, пытаясь выровнять дыхание.

Дверь распахнулась. На пороге высокий старик с седыми, зачёсанными набок волосами. Глаза просветили его насквозь, как рентгеном.

– Ну, здравствуй, Станислав, – сказал старик. – Знал, что ты придёшь.

– Мы знакомы?

– Нет, – тот протянул ему руку. – Вот сейчас и познакомимся. Валерий Никандрович.

– А откуда вы меня знаете? У меня, правда, с памятью

проблема после комы. Я как-то помню всё выборочно. Но тут другой человек был.

— Правильно. Товарищ мой. А ты проходи, садись, — Валерий Никандрович посторонился. — Мы с тобой чайку сейчас попьём. Я как раз конфетки купил вкусные. Мишка в лесу.

— Да я по делу.

— Знаю, я всё про твоё дело. Ты раздевайся, — старик кивнул на вешалку. Дождался пока Стас повесит на крючок пуховик. — Это я вас туда отправлял. К декабристам. И следил за вами всё время. Вы молодцы. И девушка такая отчаянная. Я до последнего момента верил, что вам удастся историю изменить. Вы мои любимые, как это модно говорить, попаданцы. — Да ты садись. На тебе лица нет. Ты не помнишь, конечно, ничего. Но ты и не должен. Мало кто, когда в тело возвращается, помнит. А вот девушка твоя, почему, не помнит, не знаю.

У Стаса пересохло в горле.

— Где она? Где Алиса?

— Ну а ты сам как думаешь? Вернулась, а тело занято. Где она? Ой, вижу, ты уже познакомился с этой чужой душой.

— Это не важно. Где Алиса? — Стас вскочил с дивана. — Она тут? Мы встретимся? Мы должны быть вместе.

— Не беги впереди паровоза. Мне чтобы всё просмотреть, нужно, чтобы ты не закрывался. Спать, — старик наставил на него ладонь, и Стас послушно опустился на диван. Такая усталость навалилась, глаза закрылись. Последнее, что услы-

шал: «Вот и хорошо, мой милый. Ты поспи, а я разберусь, кому это было нужно, чтобы вы оба память потеряли. Кто тут у нас против вашей любви?»»

Глава 8

Валерий Никандрович заварил чай с травками и не спеша выпил, наблюдая за Стасом. Тот крепко спал, улыбаясь во сне. «Наверно, милую свою видит», – подумал Валерий Никандрович. Вот ведь влюблённые, что только не наворачивали в своих жизнях. А любовь Валерий Никандрович очень и очень уважал, ибо считал это главным чувством на Земле. Самому довелось испытать в молодости, недолго правда, но память осталась на всю жизнь.

Допив последний глоток, старик отставил чашку и закрыл глаза. Попытался проникнуть в пространство Стаса. Хмыкнул. Висит покрывало, отгораживая его от мира, оставляя узенький проход. Валерий Никандрович в проход тот заглянул. И там, словно в окошке, ему жизнь открылась, которую Стас должен был вести после возвращения. Жизнь, однако, была неплохой. Красивая жена с тёмными волосами, словно актриса из сериала, дочка с сыночком, уютный дом, как говорится, полная чаша. Живут в мире, но без любви. Детишки спасают, смысл жизни придают. Старик хмыкнул. Посидел, подумал. Пришло понимание, что жизнь эта навязанная кем-то. Красивый фантик, а внутри вместо конфетки муляж. И жизнь такая спокойная, не по судьбе Стаса. И женщину эту он не любит, и тоска его гложет такая, что, просмотрев вперёд несколько годков, Валерий увидел, что Стас начал к

бутылке прикладываться, а жена любовника завела.

Валерий Никандрович дальше не полез, запросил информацию, кто жизнь такую Стасу подсунил. Опять эта фото-модель появилась. Он дальше сунулся. Увидел, как девушка обряд затевает. Куклы вуду, свечи, иголки. Делает всё так неумело, по книжке. Но силы много, кое-что и получилось из задуманного.

Валерий Никандрович разозлился. Уж очень он не уважал всякое колдовство, которое душу порабощает. Когда с этим сталкивался, помочь старался. Если клиент просил, конечно. Посмотрел на спящего Стаса. Придётся разбудить. Без его ведома нельзя.

– Проснуться! – приказал он. Стас вздрогнул. Глаза потёр, сел ровнее.

– Извините, задремал.

– Это я тебя в сон погрузил, – Валерий Никандрович налил Стасу чаю. – Вот, выпей. Обсудить кое-что надо.

Пока Стас чай пил, Валерий Никандрович рассказал ему, что увидел.

– Вы думаете, Настя на меня приворот сделала?

– Какие мы слова знаем. Настя, говоришь? Имя такое положительное. Так, погоди, я душу её посмотрю. Что тебя заставило так поступить, Настенька?

Валерий Никандрович глаза прикрыл, семью её увидел. Мать больную. Сестричку и брата-школьника. Крякнул.

– Старшая она в семье, вот её и в Москву отправили же-

ниха найти богатого, чтобы деньги им посылать. Да ещё пока ты в коме был, у неё мать раком заболела. Вот девчонка и пустилась во все тяжкие. Мать её и надоумила. Да и для себя Насте жизни хотелось красивой. Ты для неё был, как лотерейный билет счастливый. И сам из себя ничего, и всё присутствует, чтобы она роль старшей дочери выполняла. Вот и замуж хотела за тебя. И ведь почти получилось у неё. А тут Алиса вышла на сцену и всю нелепость жизни тебе показала.

– Вы так рассказываете, как оно всё и было, – заметил Стас. – Так что же делать мне теперь?

– Два варианта есть у души твоей. Или ты на Насте женишься...

– Нет! – Стас даже руками замахал.

– Да ты не горячись. У вас жизнь неплохая будет. Мальчик и девочка. Дом полная чаша. Если пить не начнёшь, Настя гулять не будет. Она любит тебя, насколько может любить.

– Мне Алиса нужна, – Стас губу закусил до крови. – Не нужна мне спокойная жизнь.

– Чтобы вам встретиться, покрывало, которое видеть тебе мешает, снять придётся. За это заплатить потребуют.

– Я готов, сколько скажете.

– Да не мне, дурачок, заплатить.

– А кому?

– Судьбе, милый. Она такие испытания тебе может подкинуть, что жизнь с Настей раем покажется.

– Не нужен мне этот рай. Мне бы только с Алисой встре-

титься, а дальше мы со всем справимся, чтобы нам судьба не подсунула.

– Каков упрямец, – сказал Валерий Никандрович. – Тогда план наш следующий. Мне нужно свой ритуал провести. Попросить покровителя моего, чтобы помог. Если всё пойдёт, как надо, память к тебе вернётся. И там ещё одно препятствие есть: эта чужая душа в теле Алисы. С ней – то что делать?

– Я обещал ей помочь. Выяснить, кто она такая? Мы уже продвинулись немного.

Старик нахмурился.

– Ох, лезешь ты не туда. Душа эта провинилась перед Богом. Отвергла величайший дар, который ей был дан. Оттого-то и не смогла дальше пойти. Искала, куда бы приткнуться, чтобы чужим жизнью телом пользоваться.

Стас почувствовал, как голова стала тяжёлой. Помассировал виски.

– Я что-то устал, не понимаю, о чём вы.

Старик поскрёб подбородок, размышляя. Потом встал и принялся ходить по комнате, не обращая внимания на Стаса. Стас привалился к спинке дивана, не решаясь попросить чаю. Только конфету в рот засунул. Старик остановился перед Стасом, вид у него был грозный. Стас даже жевать перестал.

– Что случилось? – спросил он, как школьник с набитым ртом.

– Я знаю, что это за душа. А теперь и тебе придётся это узнать. И, конечно, заплатить. В этом мире старик воздел руки к небу: ничего не бывает бесплатно. Мы либо платим, либо расплачиваемся. Твой второй вариант. Я тебе больше скажу: с ней я помогать тебе не буду. Тебя никто не просил туда лезть. Почему сразу ко мне не пришёл?

– Я думал, это Алиса, – Стас почувствовал, как в желудке всё сжалось от холода. – Я надеялся, что это Алиса.

– Лебединое озеро помнишь? Лебедь чёрный, лебедь белый. Уходи, устал я, – старик тяжело опустился в кресло напротив. Морщины на лице стали глубже, лицо осунулось. – То, что я обещал, сделаю.

Стас поднялся, проглотил конфету и облизал липкие губы. Надел пуховик. Из кармана на пол вывалился бумажник.

– Извините, Валерий Никандрович. Вы не назвали цену за ваши услуги.

– И не назову пока. С внучкой посоветуюсь. Ей по молодости, то одно хочется, то другое. Мне-то старику ничего не нужно.

– Хорошо, спасибо.

Стас, придерживаясь за перила, спускался по ступенькам, желая только одного, дойти до магазина, чтобы купить бутылку воды и выпить её залпом.

После воды в голове в голове немного прояснилось, хотя слова «лебедь белый, лебедь чёрный» продолжали крутиться в мозгу. Да и иначе и быть не могло. Старик сказал прав-

ду, хоть и не видел Аллу. Её частые смены настроения это подтверждали. Два лебедя, два разных человека жили в теле его любимой Алисы.

Ещё не давала покоя фраза, что за свою помощь Алле, он должен расплачиваться. Что плохого помочь запутавшемуся человеку? Стас побродил по Арбату, вокруг спешили люди, жизнь не останавливалась. Только вот он совершенно не знал, чем заняться. Была бы Алла здорова, поехал бы с ней к дому на Котельнической набережной. И тут Стаса осенило. Он вполне может поехать туда один. Погулять вокруг, вдруг что и получится узнать. Какое-никакое, а всё-таки занятие. Ему без Аллы с её выходками спокойнее будет.

Стас вышел на кольцевой Таганской и спустился вниз к самой высотке, гордо, словно огромная птица, раскинувшая свои крылья над двумя реками. Встал на то же место, где стояла Алла, задрал голову вверх, даже голова закружилась. Сколько этажей, сколько квартир.

Стас вернулся в уютный дворик внутри высотки и открыл википедию, из которой узнал, что высотный корпус насчитывает тридцать два этажа, а боковые по восемь—десять. Изначально в высотке было пятьсот сорок квартир. Стас приуныл. Найти информацию казалось невозможным. Не стоит рассчитывать, что ему повезёт, так же, как и на Арбате. Стас бегло просмотрел статью и, к своему удивлению, узнал, что после войны дом достраивали заключённые ГУЛАГа, а тюремный лагерь располагался на строительной площадке

вплоть до последнего года. Ходили легенды, что рабочие выцарапывали на стёклах слова «строили зеки» и позировали для барельефов. Государство выделяло квартиры известным деятелям искусства и науки. Здесь жили Уланова, Раневская и Клара Лучко, известные поэты и писатели. Квартиры так же получили чиновники НКВД и МВД, а в корпусах «Б» и «В» работали физики-ядерщики под руководством самого Берии. Стас открыл карту: корпус «А» располагался вдоль Москва реки, корпус «В» вдоль Подгорской набережной, а корпус «Б», центральный, устремляющийся шпилем в самое небо.

Стас снова прошёлся, обходя подъезды. Он уже основательно замёрз, а всё ещё не видел никого подходящего. Мамашки с детьми и даже бабушки были слишком молодыми, чтобы их можно было спрашивать.

И вот, когда он уже собрался уходить, во двор вошла пожилая женщина с большим пакетом из Пятёрочки. Поставила на скамейку продукты, а из портсигара достала тонкую сигаретку. Одета она была, хоть и старомодно, но со вкусом. Каракулевая длинная шуба и такая же каракулевая шляпа с полями, из-под которых выглядывали уложенные седые волосы. Брови у неё были подведены, а губы слегка подкрашены. Интеллигентное лицо, которое вполне могло принадлежать, как жене физика-ядерщика, так и представительнице артистического мира. Прикурив, пожилая женщина присела на скамейку.

Сердце у Стаса забилося, подобно охотнику, увидевшему дичь. Сейчас или никогда. Более подходящего момента может и не быть.

— Добрый день, — Стас остановился на почтительном расстоянии. — Я разыскиваю человека, жившего в этом доме. Не могли бы посоветовать, к кому обратиться?

Старушка прищурилась, разглядывая Стаса.

— И в каком году здесь жил этот ваш человек? Тут знаете, сколько народа поменялось.

Стас прикинул. Алле было предположительно восемнадцать, когда она ещё здесь жила, до встречи с поклонником.

— Начало восьмидесятых годов. Потом у меня есть предположение, что она погибла.

Старушка нахмурилась, губы крепче сжали сигаретку, образуя сверху лишние морщинки.

— Я что-то вас не понимаю. Если она погибла, зачем вы её разыскиваете?

Стас замялся, видя, как старушка смотрит на него с подозрением.

— Пожалуйста, это очень важно, — сказал он, как можно проникновеннее. — Если вы жили здесь с самого начала, вы могли знать эту девушку.

Старушка сбросила пепел, посмотрела на дом и вздохнула.

— Много чего произошло с тех пор, и мало кто остался из прежних жильцов. Продали, разменяли на несколько квар-

тир. Кто-то сдаёт и живёт за границей. Сейчас старых жильцов можно по пальцам пересчитать.

– Вы всех их знаете?

– Знаю, когда-то мы жили дружнее, чем сейчас. Делили вместе радость и горе, – пожилая женщина опять посмотрела на окна и вздохнула. – Особенно горе. Помогать надо. Вот, видите, – она кивнула на пакет с продуктами. – Думаете, это для меня одной? Это и подруге моей, у которой ноги болят и моему соседу, у которого поясницу прихватило. Я самая здоровая из всех них.

– Вы прекрасно выглядите.

– Спасибо, милый человек. Стараюсь. Каждое утро делаю зарядку, ем только овощи или фрукты и сразу на прогулку. На скамейке возле дома не сижу. Гуляю. А вечером иногда в театр хожу. Когда билеты удаётся достать бесплатно, – пожилая женщина потушила сигарету и выбросила окурочек в урну. – Но вам про меня неинтересно слушать. Вы скажите фамилию, кого ищете, а то мне идти надо, – женщина поднялась со скамейки и взялась за ручки пакета.

– Не знаю я ни имени, ни фамилии. Эта девушка была хромой. Ей тогда было около восемнадцати. Возможно, потом она погибла.

Старушка выпустила ручки пакета и даже пошатнулась. Стас протянул руку, но она сделала протестующее движение, и встала прямо. Лицо стало строгим.

– Молодой человек, а вам, зачем это? Вы, наверно, кор-

респондент? Решили написать историю о знаменитом доме.
– Нет! – Стас даже руками замахал. – Никакого отношения к прессе. Меня один человек попросил узнать про эту девушку.

– Пусть прошлое хоронит своих мертвецов, – сказала старушка и взяла пакет за ручки.

Стас уже испугался, что она уйдёт, но пакет из Пятёрочки прорвался, и его содержимое: пакет молока, лимоны и яблоки рассыпались на снег.

Старушка охнула. Стас начал помогать собирать продукты, складывая их на скамейку.

– Ну что ты будешь делать?! И другого пакета нет, – причитала старушка.

– Я могу помочь донести. Я не украду, – зачем-то прибавил Стас.

– Да я вижу, у тебя глаза честные. Ладно уж. Давай это соберём. Вот лимоны я могу в карман себе положить, тебе молоко и яблоки. Тоже клади в карманы, – она посмотрела на Стаса. – Придётся тебя в гости пригласить, да чаем напоить. Нос у тебя красный. Замёрз, наверно. А ты свои вопросы задашь, а я, может, и отвечу. Только видит Бог, как мне не хочется это всё вспоминать.

– Спасибо вам, – Стас разложил яблоки по карманам, прижал к груди бутылку молока и последовал за старушкой.

Глава 9

Гостиная, куда провела Стаса новая знакомая, оказалась просторной комнатой с высокими потолками и хрустальной люстрой с подвесками, которые переливались в свете заходящего зимнего солнца. Посередине комнаты располагался массивный деревянный стол, окружённый шестью мягкими стульями. На выцветших обоях картины маслом. В основном пейзажи и один портрет, на котором Стас увидел солидного мужчину с поседевшими усами и коротко стриженными волосами. Взгляд карих глаз был пронзительным и умным. Муж хозяйки, подумал Стас, заметив, некую похожесть между людьми, которые долго прожили вместе.

Не решаясь занять место за столом, Стас подошёл к окну и чуть не ахнул от открывшейся панорамы. Два огромных окна выходили на набережную ещё замёрзшей Москва– реки. По набережной спешили автомобили.

– Любуешься? – спросила пожилая женщина, войдя в гостиную с подносом.

– Вид потрясающий, – обернулся Стас.

– Особенно летом, когда по реке проплывают пароходы, – заметила хозяйка, переставляя с подноса чашки, чайник, сахарницу и молочник. – В комнату доносится музыка, а я сижу у окна и вспоминаю молодость. Мы с мужем тоже когда-то любили прокатиться по реке. Вот он, мой Лёва. – Жен-

щина указала на портрет. – Оставил меня уже как десять лет. Такая работа, как у него, здоровья не прибавляла. Что-нибудь слышал об операции «Уран»?

– Разработка ядерной бомбы? – вспомнил Стас прочитанную на улице Википедию, отмечая, что пожилая женщина была в элегантном шерстяном платье, на шее ожерелье из жемчужин и такие же серьги в ушах.

– Именно. До последнего дня был на работе. Там же и по-нервничал перед какой-то проверкой. Эх, ладно, тебе неинтересно. Садись за стол. – Ой, – спохватилась женщина. – Я ведь даже не спросила, как тебя зовут.

– Станислав, – представляться Стасом перед этой женщиной с жемчугами показалось неправильным.

– Екатерина Семёновна. Сейчас пирожные принесу. Купила подругу побаловать, а побалую своего помощника.

– Извините за хлопоты, Екатерина Семёновна. Пирожные вовсе необязательны. Оставьте для подруги.

– Сами съедим. Знаешь, как редко у меня теперь бывают гости? А раньше за этим столом – он ещё раскладывается – кого только с работы Лёвика не перебывало. А многие, вообще, в нашем подъезде жили.

Стас пил чай с эклерами, слушая, как Екатерина Семёновна, как и все пожилые люди, перескакивая с молодости на современность, говорила не переставая. Он успел согреться, за окном стемнело. Хозяйка зажгла хрустальную люстру, оглядела комнату и, удостоверившись, что у Стаса полная чашка

горячего чая, внимательно на него посмотрела:

– Ты терпеливо ждал, пока я выболтаюсь, придётся тебе всё-таки рассказать историю, за которой ты пришёл, – старушка постучала пальцами по столу. Поджала губы. Вздохнула. – На пятнадцатом этаже, на два этаже выше, чем у меня в то же время, что и мы, заселилась семья. Муж – Виктор Ильич – работал вместе с Лёвиком. И мне пришлось с его женой подружиться. – Екатерина Семёновна улыбнулась. – Знаешь, почему пришлось?

Стас помотал головой.

– Это не была дружба, потому что люди понравились друг другу и начали общаться, а от того, что муж мой, хоть и занимал прекрасную должность, был его заместителем. Поэтому Лена посматривала на меня свысока. И я ей позволяла. Опять-таки была вынуждена позволять. У них очень долго не было детей. А потом, им уже под сорок было, вдруг родилась девочка.

Стас почувствовал как, несмотря на третью чашку, во рту пересохло от волнения. Он сделал глоток и даже закашлялся.

– Извините.

– Ничего, мне собраться надо с мыслями. Девочка была хорошая послушная талантливая. Знал бы, как на пианино играла. В общем, жить бы им да радоваться. В доме всё было, машина, дача. Алевтине тогда шестнадцать исполнилось, когда она школьную компанию на дачу повезла.

– Алевтине? – переспросил Стас, быстро ставя чашку на

блюдечко, так что оно жалобно звякнуло. – Извините, – пробормотал он.

– Сервис крепкий, не разобьёшь, – махнула рукой старушка. – Мы Алевтину Аллой называли. А чаще Эллочкой. Такая она была милая. Я бы не назвала её красивой, даже совсем бы не назвала. Серая уточка. Мужчины любят на таких жениться.

Екатерина Семёновна посмотрела на портрет мужа и поправила волосы.

– Красивая жена – испытание для мужа. Красота никогда не будет только твоей. Мой Лёвик меня очень ревновал. Ему нелегко приходилось. А вот Лена, подруга моя, была из той же утиной породы. Её муж всегда был спокоен. Его жена только его. Вы понимаете, о чём я говорю?

Стас только и мог кивнуть. К этому времени он свёл воедино то, что рассказывала о себе Алла, когда увидела себя в зеркале.

– А потом случилось несчастье. Аллочка выпала из окна второго этажа их дачи, на которую они компанией поехали. Уж не знаю, как так получилось. Может, парни лишнее позволили, а она девочка строгая была. Может, знаете, села с бокалом шампанского на подоконник, и голова закружилась. Эта, кстати, была её версия. Алла говорила: хотела рассмотреть в саду какие-то цветы и... упала. Тут история умалчивает. Правда, прежде чем Алла домой вернулась, полгода в больницах провела. Сложнейший перелом был. Нога никак

не срасталась. Операция за операцией. Нogu столько раз ломали, что и сказать страшно. За границу девочку возили. Ничего не помогло. Осталась хромой. Я потом, когда её встретила, не узнала. Даже дело было не в палке, на которую она опиралась. Алла вся переменялась: лицо, глаза, фигура. До этого она такая пухленькая была, а тут вытянулась и худой стала.

Екатерина Семёновна подпёрла голову рукой и опустила глаза, теребя скатерть.

Стас осмысливал информацию. Значит, это не врождённая хромота, к которой привыкаешь, поскольку ничего другого в жизни не видел, а приобретённая, причём при неизвестных обстоятельствах. Стас в версию закружившейся головы не верил. Помнил вечеринки в универе, когда парни руки распускали. Сам иногда девчонок выручал, благо драться в детдоме научили. Парни Аллу могли заманить на второй этаж, а потом начать приставать, а она, не зная, как спастись, прыгнула. Второй этаж и не так высоко. Надеюсь, повезёт.

Екатерина Семёновна надолго замолчала.

– Ну вы сказали, что Алла переменялась, – напомнил Стас.

– А я в воспоминаниях уже дальше пошла. Когда не стало нашей Аллочки. Она ведь хромая пришла ко мне однажды, не помню уж зачем, за хлебом или за яйцами. У нас так принято было в доме: если что забыла купить, проще к соседям сбегать, чем снова в магазин. А я Аллу и спраши-

ваю: «Как жизнь молодая?» Она уже тогда без палки ходила, только припадала на левую ногу. Студентка первого курса. А она посмотрела мне в глаза и говорит: «Да какая жизнь у калеки?».

Я её тогда усадила, чай заварила. Стала рассказывать, что если кто её полюбит, тому всё равно будет. Он душу её полюбит. А душа у неё добрая. Алла расплакалась. Я ей разные истории рассказывала. В общем, ушла она от меня спокойной. «Я, – говорит, – буду верить, что меня можно полюбить. Мне один парень нравится, только боюсь близко к нему подойти. Хотя он и бедный».

Стас дыхание затаил. Даже забыл, что в туалет хотелось. Складывалось всё так, как он предугадал.

– А в каком институте училась Алла?

– В МГИМО. Английский уже хорошо знала, на французском разговаривала бегло. Сама поступила. Без протекции. Умная девочка. Отец хотел, чтобы она по его стопам пошла. Физиком стала. У него там наработки были, он хотел, чтобы она продолжила. Но Алла ему сразу сказала: тебе из меня Мари Кюри не сделать.

Стас улыбнулся. Да, у Аллы такой характер и сейчас. Он узнавал её в каждом предложении, которое говорила Екатерина Семёновна. Такая живой не дастся: выпрыгнет из окна, если кто-то осмелится честь отнять. И родителей не побоится послушаться, к каким высоким кругам они бы не принадлежали.

– И родители смирились, – покивала головой Екатерина Семёновна. – Прошло полгода, я заметила, что Алла стала модно одеваться. Спросила, уж не влюбилась ли она. Алла улыбнулась застенчиво и закивала. Я ей счастья пожелала.

Екатерина Семёновна опять ушла в воспоминания. Подпёрла голову, глаза закрыла и вроде как даже заснула.

Стас потихоньку из-за стола выбрался. В туалет сходил, вновь удивляясь огромным пространствам квартиры.

А когда вернулся, Екатерина Семёновна со стола собирала пустые чашки на поднос, как будто и не дремала вовсе. Только лицо уставшее.

– Давайте, помогу.

– Помогите, милый, а то в руках силы нет. Ещё сервис familialный разобью, а я его внучке обещала после моей смерти.

Стас поставил поднос рядом с мойкой. Из кухни, укомплектованной деревянной мебелью, вид открывался до самого Кремля. Стас застыл на месте.

– Нравится? – спросила Екатерина Семёновна.

– Ещё как, – ответил Стас, не в силах отвернуться. – Даже не представлял, что такие квартиры бывают.

– Ты полюбуешься, а я посуду перемою, – Екатерина Семёновна надела перчатки и принялась греметь тарелками. Справилась она достаточно быстро. Вытерла тряпочкой столешницу и повернулась к Стасу.

– Ну что, милый человек, оставим продолжение на другой

раз?

– Ну, если вы устали... Я не могу настаивать, – Стас развёл руками, пытаясь скрыть разочарование.

– Устала, отдохну, – усмехнулась Екатерина Семёновна. – Что мне ещё делать на пенсии? Телевизор не люблю. Книги вот читаю. Пойдём, покажу, какая у нас библиотека.

Екатерина Семёновна провела Стаса в библиотеку, которая одновременно служила рабочим кабинетом. Все стены занимали шкафы с книгами, а у окна, выходявшего на Большой Устьинский мост через Москва-реку, примостился старинный стол-бюро.

– Муж мой любил здесь работать допоздна и смотреть в окно. А теперь я тут вместо него. Беру книгу и сажусь читать. Глаза устанут, смотрю, как мимо меня, – старушка махнула рукой, где по подсвеченному мосту двигались автомобили с горящими фарами, – проходит жизнь, в которой уже нет для меня места. – Екатерина Семёновна вытерла слезу, катившуюся по щеке, и нарочито бодро предложила вернуться в гостиную.

В гостиной она уселась в мягкое кресло возле журнального столика, указав Стасу на такое же напротив. Он утонул в мягких подушках, приготовившись слушать, но Екатерина Семёновна посмотрела на него:

– Прежде чем, я закончу, мне бы хотелось узнать, откуда у тебя, молодого человека в возрасте моего внука, интерес к этой истории?

Стас смутился. Он вовсе не был готов к ответу, а медлить было нельзя. Иначе не видать ему конца истории. Ну а как рассказать ей про Аллу, которая живёт в теле Алисы? Тогда придётся и про себя рассказывать, как пытался декабристам помочь. Кресло вдруг показалось ему неудобным, не давало собраться с мыслями, что было необходимо. Вряд ли жена физика-ядерщика верит в то, от чего он сам отрешивался столько лет.

– Начинайте, молодой человек, а то я подумаю, что допустила чудовищную ошибку, пригласив вас. Неужели вы всё-таки журналист или писатель, ищущий сюжет?

– Я не журналист и не писатель.

– Тогда кто вы? Зачем вам история, о которой уже все забыли, кроме одного человека, который до сих пор оплакивает дочь.

– Мать Аллы жива? – Стас весь подался вперёд. Он бы и вскочил, но мягкое кресло не отпустило.

Старушка смотрела на него с недоверием. Даже прищурилась.

– Вы так сказали, словно знали эту Аллу, – заметила она. – Но вы по возрасту никак не могли быть с ней знакомы, – она покачала головой. – Не морочьте мне голову. Рассказывайте.

– Только один последний вопрос, – взмолился Стас. – Мать Аллы жива?

– Уже лет десять, как земле предали. Упокой, Господи, её душу, – старушка перекрестилась.

– Но вы сказали, что один человек оплакивает её до сих пор?

– Знаете, мужчины тоже иногда плачут. Даже если они академики. Когда выпьют рюмочку за праздником и понимают, что в этой жизни у них ничего не осталось.

– Это её отец? – почти шёпотом спросил Стас.

– Да, отец. И кефир я для него купила. И лимоны, он чай любит с ними пить. Вот вы уйдёте, я к нему поднимусь и отдам.

Стасу захотелось попроситься с ней, но он понимал, что это неприлично. Надо рассказывать, а он так и не придумал, а под строгим взглядом Екатерины Семёновны и вовсе хотелось сбежать. Может, ему не надо дальше вмешиваться? Он расскажет Алле, что узнал, а та пусть сама решает.

– Даже не думайте сбежать, – сказала Екатерина Семёновна.

– Хорошо, – решил Стас. – Я расскажу, только не говорите, что вы не верите в то, что душа может существовать вне тела. И что вы не верите в переселение душ.

– Отчего же? Я верю, – глаза у Екатерины Семёновны заблестели, а лицо оживилась. – Мне даже кажется, что кто-то часто стал смотреть на мои окна. Это началось месяца два назад. И я как-то подошла к окну и увидела девушку. Она стояла на заправке и смотрела на дом. Потом уехала. И каждый раз, когда я чувствую, что на мои окна кто-то смотрит, она оказывается там. У неё красная машина. Несколько раз

я пробовала спуститься и поговорить с ней, но, пока одевалась, она уезжала. Рассказала подруге, та только посмеялась надо мной. Ну а что, многие в моём возрасте с ума сходят. Может, мне это всё кажется?!

– Нет, она есть, эта девушка. Вы не сумасшедшая. И она называет себя Алла.

Глава 10

Стасу казалось, что никто и никогда его так внимательно не слушал, как Екатерина Семёновна. Не перебивая, не уточняя, повернувшись к нему всем телом, она так и просидела, иногда прикрывая ладонью рот. Пожилая женщина то прищуривала глаза, то высоко поднимала подрисованные дугообразные брови, а ещё заразительно смеялась, когда он рассказывал про выходки Аллы. Когда Стас рассказывал про декабристов, она даже охнула, но тут же мотнула головой, чтобы он продолжал. И даже когда он остановился, прочищая горло, голос у него почти сел, она ещё долго смотрела на него, не отрываясь, словно на диковинную птицу, какую никогда не видела. Стас не выдержал паузы.

– Вы ... мне верите?

– Каждому слову, мой мальчик. Уж извини, что я тебя так называю. Ты мне, как мой внучок, того же возраста. Сердцем тебе верю. Более того, в некоторых выходках я узнаю нашу девочку. После несчастья, которое с ней произошло, Алла стала резкой, даже грубой. И на мать могла накричать, и на уборщицу в доме. Разве что на отца никогда не повышала голос. Знаешь, бывают девочки, привязанные к матери, а бывают папины дочки. Алла была вся папина. Лена её ревновала, ругала мужа, что он балует дочь. А Володя действительно в ней души не чаял. Он и переживал после её гибели гораздо

сильнее. За три дня изменился. На похоронах был весь седой, а лицо в морщинах. Лена накачала его таблетками, чтобы он держался. На похоронах ведь и его руководство было. Но он плакал, не стесняясь. Мужчины держали его, иначе бы он бросился на гроб, когда начали закапывать. Всё время твердил, что это он виноват: если бы он Аллу тогда поддерживал, была бы жива. Матери кулаком грозил, обвинял, что у неё с дочерью были плохие отношения, иначе бы та к матери прибежала со своей бедой. Это были страшные похороны. И я вовсе не удивляюсь, что Алла, то есть её душа, осталась на земле. Отец её не отпустил.

– Как она погибла? – прохрипел Стас, испугавшись своего голоса.

– Вышла из окна. Пятнадцатый этаж. Как будто повторила то, что сделала на даче. Если меня не устраивает это пространство и люди, которые в нём, я выйду, даже, если выхода на самом деле нет.

Похоже на Аллу, подумал Стас. И тут же вспомнил слова Валерия Никандровича: «Душа эта провинилась перед Богом. Отвергла величайший дар, который ей был дан». Так вот он что имел в виду. Дар – это жизнь, которой лишила себя Алла.

– Ты, наверно, хочешь узнать, почему Аллочка это сделал? – спросила Екатерина Семёновна. – Она была очень сильным человеком. Но возраст подвёл. Вспомни себя в восемнадцать. Мы все немного сумасшедшие. Чувства такие

острые: первая любовь, первый поцелуй.

Стас кивнул, думая про себя, что его эти страсти в том возрасте миновали. Зато вот на тридцатом десятке накрыло с Алисой. Так что он понимал, ещё как понимал.

– Вокруг Аллиной гибели выстроилось много версий. Отец целое расследование затеял. Сказал: пока не узнаю, кто мою девочку обидел и не отомщу, не успокоюсь. Одна из версий была, что она беременна, а парень её бросил. Родителям сказать боялась. Парня этого, – Екатерина Семёновна наморщила лоб, – как же его звали? Имя такое распространённое: ах да, Сергей. Я их несколько раз видела. В лифте вместе поднимались: хорошо его рассмотрела. Тогда ещё подумала: ох, попала Аллочка. Красивый муж для подружек, у нас говорили. А Сергей действительно был хорош: высок, строен, голубые глаза при чёрных гладких волосах. Такие гладкие были они у него, видимо, он их бальзамом мазал. Брови чёрные. Ему бы в кино сниматься. Одевался, правда, скромно. Жил в общежитии. Как его занесло в этот институт непонятно. Алла беременной не была, но девочкой тоже не была. Ходила к гинекологу, просила, чтобы ей таблетки выписали. Так что у них были отношения. Родители часто на дачу уезжали на выходные. Квартира свободна. Ну и вот скажи: зачем такому красавцу Алла?

Стас высказал то, что думал:

– Жениться хотел, чтобы жить хорошо. Отец Аллы мог ему помочь с карьерой после института.

– Правильно мыслишь. Никто в этом и не сомневался. Когда ей пришлось представить своего друга родителям, Лена так ей всё высказала. Что— то вроде: куда ты лезешь со своей хромотой? И отец промолчал. Вот за что он себя всю жизнь корил. Говорил, надо было дочку поддержать, тогда, может, когда случилась беда эта, она бы ко мне пришла поплакать. Алла, как узнала, что этот красавчик ей изменяет, приехала домой, написала записку, что это её решение и в смерти никого не винить. Встала на подоконник в своей комнате и... – Екатерина Семёновна всхлипнула и вышла.

Стас вздохнул. Бедная Алла. И тут вдруг телефон зазвонил. Так резко и пронзительно, что Стас подскочил. На экране высветилось: Алла.

Неужели чувствует?

– Привет, Стасик.

– Алла, как ты?

– Лучше. Температура спала. Муж всяких лекарств натащил. Я его в магазин отправила, тебе звоню. Чем занимаешься? – Стас посмотрел на вернувшуюся Екатерину Семёновну, которая смотрела на него с неодобрением.

– Я в гостях – сказал Стас, показывая на Екатерине Семёновне на трубку. – Алла, ты лечись, давай. А я тебе попозже перезвоню.

Услышав имя, складочка между бровей у Екатерины Семёновны разгладилась. Села в кресло и наклонилась в сторону Стаса.

– Я думаю, завтра уже поправлюсь и можем поехать к моему дому, – заявила Алла.

– Нет, завтра не стоит ещё. Тебе надо выздороветь, как следует.

– Эй, ты волнуешься за меня? Может, я тебе нравлюсь? Ну, признавайся.

– Я заразиться боюсь от тебя. Забыла, я только из комы вышел? – нашёлся Стас.

– Ладно, я уж так тебя подкалываю. Думаю, может, ты Алису свою забудешь? – Стасу показалось, что послышался какой– то шум. – И Алла сказала: – ну что за чертовщина такая? Стакан стоял на тумбочке и сейчас упал, а вода разлилась на ковёр. Слушай, может, у меня призрак завёлся?

– Алла, я перезвоню. Ладно? Как выйду, сразу перезвоню.

– Она? – спросила Екатерина Семёновна, облокачиваясь на столик в нетерпении.

– Она, – подтвердил Стас.

Подумал: душа Аллы в теле моей Алисы.

– Душа чувствует, что мы о ней говорим. Тебе надо было громкую связь включить. Я бы голос её послушала.

– Не догадался, извините, – пожал плечами Стас. – Я взял трубку, чтобы она не обиделась.

– Да мне уже недолго осталось рассказывать. Подробности тебе не нужны. Этот следователь общежитие на ноги поднял. Так что ему всё про этого Сергея девчонки рассказали. История получилась совсем некрасивая. До Аллы у Сергея

была девушка, с которой он встречался. Даже не встречался, а жил. Так подружки её рассказывали. Уж не помню, как звали её, кажется, Ира. Ну пусть будет Ира, иногда просила девчонок им комнату освободить на пару часиков. Влюблена в него была по уши. Замуж мечтала. Но он ей говорил: Ира, мы с тобой бедные, но красивые. А в институт попали только благодаря способностям и счастливому случаю. Ну, женимся мы с тобой – дадут нам комнату в семейном общежитии. Ещё дети пойдут. Ты учиться не сможешь. Денег нет, родители не помогают. Давай просто любить друг друга и наслаждаться жизнью. Ира, как подружки говорят, часто плакала, но терпела.

– До тех пор, пока Алла не появилась, – не выдержал Стас.

– Правильно. Её, бедняжку, из-за хромоты всерьёз не принимали. Соперницей не считали. Пока однажды Сергей не сглупил и не сказал, что собирается на ней жениться. По расчёту. Начал хвастаться. У них квартира в высотке, а отец после свадьбы им отдельную квартиру им купит. Не даром же, он академик. Ну а то, что хромая, так в постели это не мешает. А ты говорит, Ира, будешь моей любовницей, – Екатерина Семёновна покачала головой. – Такой вот фрукт, этот Сергей оказался. Как в песне: «Зачем вы, девочки, красивых любите?» И вот однажды Сашка захворал, и Алла явилась его навестить. Подкормить любимого чёрной икрой. Явилась сюрпризом, без предупреждения. А любимый лежит в кровати, а рядом Ира сидит. Тоже пришла за больным поухаживать.

вать. Супчик ему сварила. Тут у Иры душа не выдержала, и она Алле всё высказала. Та сумку с продуктами бросила, убежала. По дороге ещё, как назло, подруг Ириных встретила. Те подтвердили: у Сергея с Ирой любовь. И, вообще, Ира беременна. И зачем ты ему нужна, хромоножка? Только из-за квартиры и машины. А у Иры, кстати, машина была, жигули. Отец подарил на восемнадцатилетие, чтобы в институт ездила. Она и Сергея этого ещё и на машине возила.

– А Ира на самом деле была беременна? – снова встрял Стас.

– Нет, хотели подруге помочь, вот и соврали. Это они следовательно потом рассказали. Каялись, плакали, но признались.

– Родители на даче были. Алла записку написала. На листке тетрадном в клеточку. Писала и плакала, бедняжка, буквы так и остались размытыми. Записку эту отец до сих пор хранит. Так же, как и комнату Аллы оставил в том же виде. На столе учебник так и лежит открытый. Отец верит, что она может вернуться, – Екатерина Семёновна снова всплакнула. Под глазами образовались подтёки от туши, но ей, казалось, уже не было дела как она выглядит. А выглядела она теперь лет на десять старше, чем когда они познакомились.

– Вы простите, я заставил вас страдать, – Стас чувствовал себя виноватым.

Екатерина Семёновна промокнула глаза.

– Нет, что ты. Это хорошо. Теперь я хотя бы знаю, что

девушка на красной машине существует, и я не сумасшедшая старуха. Я вот теперь думаю: надо Владимиру – так отца Аллы зовут – Владимир Валентинович, – сказать. Хотя нет, сначала я хочу посмотреть на эту девушку. Ты можешь её привести сюда?

– Думаю, да. Она, конечно, разозлится, что я без неё. Но что делать?! – Стас развёл руками. – Я потерплю.

– Ну про похороны я тебе рассказывать не буду. Сергей не явился, конечно. Побоялся. Из группы пришли двое её подружек, а так больше всё из школы.

– А что стало с Сергеем?

– Владимир ему отомстил за дочку. Затаскали его к следователю. В институте всем стало известно, что произошло. Некоторые разговаривать с ним перестали. Плюс ко всему: чувство вины, видимо, ему всё-таки не давало покоя. Сессию он завалил, и декан, который обо всём знал: его сразу и отчислил.

– А девушка Сергея?

Екатерина Семёновна улыбнулась.

– Представляешь, судьбе было угодно, чтобы мы с ней увиделись. Собралась я на Ваганьковское – у меня сестра там похоронена – и Аллочку там похоронили. Был праздник поминовения, а Лена с Валерой с гриппом свалились. Меня попросили от них цветочки положить и на могилке прибраться. Могли и не просить, конечно, я всегда к Аллочке заходила. Ну вот, иду я по дорожке, смотрю: у могилки девушка

стоит. Волосы в косу заплетены. Лица не вижу. Думаю, может, со школы кто пришёл, вспомнил. Подхожу: лицо незнакомое заплаканное. А вся могила засыпана красными и белыми розами. Девушка меня увидела: вздрогнула. Убежала бы, а некуда. Тропинка там узкая, по ней я иду. Ну я заговорила с ней ласково. Сказала, какие цветы красивые она принесла. Когда она поняла, что я не Аллина мама, то призналась, что она и есть та, из-за которой Алла здесь оказалась. И в голос зарыдала. Жалко мне её стало: Сергей этот играл с ними двумя. Понятно, что девушка не выдержала. Долго мы с ней проговорили. Я, как могла, убедила её, что дело в Сергее.

Екатерина Семёновна тяжело поднялась с кресла и ушла на кухню. Когда вернулась, пахло от неё валокордином. Стас выдернул себя из кресла:

– Извините, Екатерина Семёновна, что заставил всё это ещё раз вас пережить. Мне уже идти надо.

В коридоре телефонами обменялись.

Алла без косметики, закутавшись в плед, лежала на диване и смотрела сериал «Место встречи изменить нельзя». Рядом с ней стояла чашка горячего чая с лимоном. Наверно, уже пятая по счёту. Ворох использованных носовых платков увеличивался.

Алиса наблюдала за ней из своего угла. Наглая девица сегодня её не раздражала. Более того, напоминала Алисе себя, когда та болела. Зато её бесило, когда Алла вытаскивала

руку из-под пледа с отвратительным маникюром. Что может быть хуже острых чёрных ногтей с блестками? Как она может портить себя? То есть меня, думала Алиса.

Сегодня ночью Алисы наметился прогресс. Хотя сейчас она вовсе не была уверена, что это хорошо. И решила этим не злоупотреблять. Вытерпела, когда наглая девица кокетничала с мужчиной, который вчера смотрел на Алису в окно, но не смогла выдержать, когда та сказала: «Может, ты свою Алису забудешь?» И тут Алиса столкнула стакан на пол, а потом с удовольствием наблюдала, как та удивилась, озираясь по сторонам. Оказывается, этот мужчина, которого похитительница её тела называла Стасиком, имеет отношение к Алисе. И он её помнит. Не передать, как это оказалось приятно. Пусть эта девица носит её вещи, живёт в её квартире, но пусть не трогает этого мужчину. Пусть довольствуется её мужем. Ах, ну вот и он появился. Алиса пролетела сквозь стену и оказалась в прихожей. Антон притащил два больших пакета из «Дикси». Отнёс на кухню и прошёл в комнату.

– Ну как ты себя чувствуешь? Я купил пельмени. А ещё апельсины и эклеры из нашей кондитерской к чаю.

Алисе ужасно захотелось горячего чая с эклерами. Нет, голода она не чувствовала. Хотелось откусить эклер с заварным кремом. Хотя бы маленький кусочек из любимой кондитерской.

– Терпеть не могу эклеры! – заявила Алла, укутываясь в плед. – Дай лучше градусник. Не понимаю, какого чёрта ты

вчера открыл в спальне форточку? На улице зима, не видел что ли?

Антон присел на краешек дивана.

– Но я не открывал окно. Я тебе говорил уже.

– А кто тогда это сделал? Дай градусник, чего расселся?

Антон, протянувший было руку, чтобы обнять Аллу, поспешно отдёргнул её и бросился к шкафу.

Алиса чувствовала угрызения совести. Ночью она решила немного поэкспериментировать. Открыть окно получилось, и она так обрадовалась, что тут же вылетела на улицу и всю ночь кружилась над городом, наблюдая сверху, как двигаются автомобили, как гаснет в окнах свет, как пустеют улицы. Вернулась под утро, счастливая от переполняющего ощущения свободы. Окно от ветра открылось ещё шире, но Алиса так устала, что, сколько не пыталась, захлопнуть его не смогла.

Ну и как результат: наглая девица заболела. Зато не поехала встречаться с этим мужчиной и не села в её любимую Краснушку. А кто бы знал, как Алисе не нравилось, когда кто-то садится за руль её любимой машинки.

Глава 11

Обычно Стас не запоминал снов, но этот сон забыть невозможно. Наконец, он увидел лицо Алисы, ту девушку в расстёгнутой шубке на парковке занесённых снегом автомобилей. Растерянность в голубых глазах, прикушенная нижняя губка от досады. Вспомнил, как обожгло: это моя девушка. Чувство усилилось, когда Алиса села в его автомобиль. Хотелось держать за руку, не отпускать. И ведь отпустил. Вот дурак. А потом разыскивал её в конторе по переселению душ. До того голову потерял, что прыгнул за ней в девятнадцатый век. И снова встреча: только Алиса уже другая. Красавица Мари Репнина. Цвет глаз фиалок, к которому так подходит светлые волосы. Но и ему тоже тело досталось под стать. Хоть и обедневший род, но всё же князь Ковалёв. Стас зажмурился, вспоминая своё отражение в зеркале. Блондин с лицом киноактёра в форме гренадёрского полка с золотыми пуговицами и эполетами. Видел свою комнату, куда приходила Алиса, то есть княгиня Репнина. Вспомнил, как они любовью занимались, и тут же в теле откликнулось желание. Уф, а он уже боялся за свою мужскую несостоятельность из-за того, что тело не реагировало на Настю. А дело в другом. Так, а что там дальше было в том сне?

Восстание. Ощущение своей силы, гордость за мужиков рядом. Опьяняющее чувство свободы. Могли ведь Зимний

дворец взять. Не сложилось. Трубецкой подвёл. Стас видел Трубецкого, как будто вчера расстались. Услышал голос Катрин, жены его. «Ах, Николаша, как мы за тебя испугались». Его в той жизни Николашей звали. Стас хихикнул. Ну а дальше то, что было? Ох, Стас даже одеяло натянул до подбородка, такой озноб по телу прошёл. Отступили декабристы. Построились на льду, чтобы взять Петропавловскую крепость, а император приказал из пушек стрелять. Теперь Стас понимал выражение: земля разверзлась под ногами. Там, правда, был лёд. Он помнил своё отчаяние, когда смотрел в тёмное без звёзд небо и держался за край льда, чувствуя, как холод добирается до сердца. Ему казалось, что до него доносятся стоны тех, кто ещё жив. А потом нашла его Мари-Алиса. Жизнь рисковала, чтобы его спасти. Не вышло. Предательский лёд треснул. Но, держа Мари в объятиях, не страшно и утонуть.

Стас чувствовал, что дрожит. Стянул покрывало, натянул поверх одеяла. Ничего себе сон. А потом вдруг мысль пришла: никакой это не сон. Всё так и было. Стало тепло. Скинул одеяло. Поднялся.

Старичок из конторы вернул ему память. Теперь Стас полноценный человек. Помнит свою любимую. Ему повезло, он видел удивительное время. Общался с потрясающими людьми. Они теперь для него не портреты в книгах, а живые лица и живые голоса.

Стас схватил телефон.

– Валерий Никандрович, я всё вспомнил. Спасибо. Сначала думал, что сон.

– Ну я подумал, что во сне сподручнее тебе показать твою жизнь, – голос у старичка был довольный. – Но я долго бился с этой колдуньей, к которой твоя невеста прибежала, чтобы тебя вернуть. Ох, как я ненавижу насилие.

– Вы только Настю не наказывайте, – попросил Стас.

– Ой, какой ты добренький. И везде лезешь. Тебе Алиса нужна, или Настя, или эта чужая душа, которая чужое тело заняла? Ты определись для себя.

– Конечно, Алиса. Но Настю жалко и Алла, которую вы чужой душой называете, вовсе не так виновата.

– Ничего у тебя не выйдет, пока ты энергию свою разбазаривать будешь. Когда поймёшь, поздно будет. А сейчас пора мне.

В трубке послышались гудки. Стас некоторое время смотрел на телефон, не веря, что старичок так разозлился, что трубку бросил.

– Ну и что же мне делать теперь? – крикнул Стас в пустоту. Ответа не было.

Молодой человек ходил по квартире, обдумывая ситуацию. И что старичок взъелся на Аллу? С такой судьбой неудивительно, что она решила уйти из жизни. Екатерина Семёновна её ничуть не осуждала. И он тоже, несмотря на веское основание, что Алиса могла занять своё тело, и они могли быть вместе. Но видно не судьба в этой жизни. Стас

научился принимать жизнь такой, какая она есть. Не ропща и не жалуясь. Детский дом формирует характер лучше любых родителей.

И если внутреннее чувство подсказывает Стасу, что Алла бросать нельзя, он доведёт дело до конца. Решено! Стас умылся и сварил чашку крепкого кофе. Заглянул в холодильник. Присвистнул. Придётся заново вести хозяйство и ходить по магазинам. Он сгрыз горбушку чёрствого хлеба с вареньем. Пока завтракал, в голове родился план: напроситься к Алле в гости. Неприлично, конечно. Но ему нужно рассказать Алле то, что он узнал вчера и кафе тут не подойдёт. Дома пусть Алла хоть все вазочки разобьёт, если разозлится, что он начал без неё действовать.

И к тому же ему очень хотелось посмотреть дом, где жила Алиса. Тем более Валерий Никандрович говорил, что её душа дома крутится. Вдруг им с Алисой удастся пообщаться. Из него тот ещё экстрасенс. Но жизнь меняется.

Стас подошёл к зеркалу и посмотрел на своё отражение. И хотя ему не хватает прежнего образа Николаши, его задора и удалы, в этом теле тоже жить можно. Молодой человек побрился и расчесал тёмные волосы, провёл аккуратный пробор. Надо зайти в парикмахерскую. Раньше он носил очень короткие волосы, хотя с чёлкой набок ему кажется лучше. Ну что ж, спасибо Николаше за новый образ. Подмигнул своему отражению. Выглядеть он стал лучше: черты лица перестали казаться заострёнными, подбородок обрёл свой упрямый

характер, а серые глаза смотрели на мир слегка насмешливо, словно он сам смеялся над тем, в какие материи вляпался.

«Ну ты даёшь, Стас!

Знакомство с собой прервал телефонный звонок.

– Стасик, мне кажется у меня тут полтергейст завёлся, – голос у Аллы был взволнованный, даже поздороваться забыла. – Хорошо ещё сегодня ночью окно не стал открывать. Только протяну руку к эклеру, блюдец на другой конец стола убегает.

Должно быть Алиса развлекается, подумал Стас и тут же почувствовал тепло в груди.

– Алла, ты не волнуйся.

– Ничего не понимаю, – снова заговорила Алла. – Вчера муж принёс эти дурацкие эклеры и заявил, что я их люблю. Я ненавижу эклеры, но сегодня решила попробовать. Ой, вот опять. Подожди, я видео включу, – Алла перезвонила через ват сап. – Стас приник к телефону. – Алла прислонила телефон к сахарнице и протянула руку к эклеру. Стас увидел, как рядом с блюдечком образовалась крошечная сфера, внутри которой бурлили фонтанчики от сиренево-розового до жёлтого. И вдруг эта сфера трансформировалась, фонтанчики, бурлящие вверх, легли горизонтально. Сфера превратилась в длинный цилиндр и, подлетев к блюдцу со стороны Аллы, отодвинула его на другой конец стола, едва не сбросив вовсе.

– Ох, ничего себе! – воскликнул Стас. – Просто супер!

– Какой супер? Я боюсь, – взвыла Алла. – Он так меня

голодной оставит.

– Послушай, оставь ей эклер. Съешь что-нибудь другое. Ты их всё равно не любишь.

– Ей?! Кому это ей?! Ты знаешь, что это она? – девушка придвинула экран к себе, и Стас увидел Аллу с взлохмаченными рыжими волосами в халате.

– А почему ты говоришь он? – улыбнулся Стас, ещё находясь под впечатлением от красоты сферы. Теперь он не сомневался: это его Мари-Алиса научилась двигать предметы.

– Не понимаю, чему ты улыбаешься?! – возмутилась Алла.

– Давай я приеду?

– Приедешь? Но я в таком ужасном виде! – Алла выключила камеру, видимо, рассматривая себя. – Хотя, если причесаться и накраситься, может и ничего будет. Зато у меня классный маникюр. Смотри, – Алла выставила руку с чёрными ногтями. Стас вздрогнул от неожиданности.

– Э-э-э, маникюр отличный, – выдавил из себя он. – И ты хорошо выглядишь. По-домашнему. Мне нравится.

– Эй, ты предпочитаешь натуралок? Без косметики?

– Наверно, да, – Стас вспомнил, что Алиса в день их знакомства, если и была накрашена, то совсем чуть– чуть.

– Скучотища! Ну ладно, тогда и делать ничего не буду. Посмотрю свой сериал. Только вот есть очень хочется. Попробую бутер с колбасой сделать.

– Давай, тебе силы нужны. Я выезжаю.

Звонок пробился, когда Стас ехал в метро в тоннеле. Долго ничего не мог разобрать, кроме вибрирующего голоса, в котором слышался то ли страх, то ли возмущение. Когда поезд вынырнул на станции, Стас перезвонил.

– Что случилось?

– Этот призрак с ума сошёл после нашего разговора. Не даёт накраситься. Только собралась глаза подвести, а он рукой моей как дёрнет, и я мимо мажу. Я вся перепачкалась в подводке.

Стас улыбнулся. Может ли быть, что Алиса ревнует? Действует, словно соперница.

– А бутерброд дала тебе съесть?

– И даже кофе выпить после того, как я оставила эклер в покое. Но стоило начать приводить себя в порядок, как тут началось. Расчёска в волосах застревает, подводка щёки пачкает, а тубик с помадой и вовсе в дальний угол закатился.

– Я уже бегу, – Стас выключил телефон и понёсся вверх по эскалатору.

Алла выглядела испуганной и взъерошенной, словно воробей. Как только Стас вошёл, она бросилась ему на шею:

– Спаси меня. Я боюсь.

Стас погладил её по волосам, ощущая их мягкость, и слегка отстранил девушку.

– погоди, я холодный, а ты болеешь, – Стас подумал: Алисе будет неприятно, если она увидит, что они обнимаются. – Завари чаю, эксперимент провести.

Как только Стас отправил Алису на кухню, он начал ощущать присутствие Алисы. И хотя он не видел её, но, когда поправлял отросшую чёлку, почувствовал, словно кто-то погладил его по волосам, а в зеркале на мгновение вместо его отражения появилась Алиса с заколотыми наверх волосами. Такой, какой он её увидел. Стас даже оглянулся, подумав, не подкралась ли Алла сзади, но девушка гремела посудой на кухне.

«Я знаю, что ты здесь, Мари-Алиса», – тихо сказал Стас и прошёл на кухню. Алла в голубом махровом халате с капюшоном заваривала чай. Кухня была выдержана в бело-фиолетовых тонах и укомплектована современной мебелью. Стулья, расставленные вокруг стола, накрытого клеёнчатой белой скатертью, тоже были в тон фиолетовым панелям кухни. Судя по всему, ремонт делался недавно.

– Присаживайся, – сказала Алла и усмехнулась: – Уже боюсь, как бы он не выдернул из-под меня стул, когда буду садиться.

– К чаю ничего нет, кроме этих проклятых пирожных, – Алла поставила блюдо в центр стола. – Попробуй, вдруг ты ему понравишься.

– Кстати, я люблю эклеры, – признался Стас. И, вообще, обожаю сладкое. Нас в детдоме не баловали. Самое большое лакомство: кусок белого хлеба, намазанного варёной сгущёнкой.

Алла сочувственно кивнула. Стас окинул взглядом про-

странство, но опять нигде не увидел той чудесной сферы, которую каким-то чудом узрела камера телефона. Он протянул руку к блюдцу и мысленно спросил: можно, милая?

И тут блюдце подъехало к нему ближе, на миг, ослепив его вспышкой сиреневых огоньков.

– Ох, ничего себе, ты ему понравился! – Алла опёрлась на стол, чуть не расплескав чай. – Ты видел? Блюдце само к тебе подъехало. Попробуй-ка съесть.

Стас протянул руку за эклером, опять мысленно поблагодарив Алису, не в силах произнести ни слова. Откусил. Губы растянулись в блаженной улыбке. Не так часто встретишь такой вкусный заварной крем, такой толстый слой шоколада.

Алла, забыв про чай, смотрела на него, не мигая, словно он был фокусником, глотающим огонь.

– Очень вкусный эклер, спасибо, – сказал Стас. – Спроси у мужа, где эта кондитерская, я буду туда заходить.

– Угу! – Алла кивнула. – Ну и что мне теперь делать с этим призраком? Нельзя глаза подвести и губы накрасить?

– Давай я попробую с ней договориться.

– Почему ты говоришь она? – внезапно глаза Аллы расширились. – Я поняла. Это твоя Алиса? Так?

– Правильно мыслишь. Сама посуди, ты вернулась, а твоё тело занято, квартира занята. На машине её ты ездишь. Как она должна относиться? Ты сама бы что сделала на её месте? С твоим то характером.

– Убила бы! – мрачно заметила Алла. – Но по своей воле,

я из этого тела не уберусь, сколько бы она не хулиганила.

Стас кивнул.

– Я уже это понял.

Вспомнился разговор с Екатериной Семёновной. Самое время переключить Аллу.

– Мне нужно кое– тебе рассказать. Только не кидайся в меня посудой. Или лучше пойдём в комнату.

– Надеюсь, в спальню? Поддержишь мой постельный режим?

Стас почувствовал, как в воздухе повисло напряжение.

– Не стоит так шутить. К тому же я тебя предупреждал: наши отношения должны быть только дружескими. Особенно, если не хочешь неприятностей.

– Ладно, пошли, девственник. В гостиную, а не в спальню. Ты своими заявлениями меня только раззадориваешь. Не понимаю, что плохого, если мы немного развлечёмся? Тело то твоей любимой Алисы? Ой, – Алла потёрла плечо, с которого сполз халат, – Стас своими глазами увидел красное пятнышко. – Она меня ущипнула.

Стас рассмеялся.

– Ты поосторожнее. Эта душа не побоялась сунуться в пекло сражения.

– Ладно, виновата. Больше не буду. Вот, даже халат поправлю. Пошли уже, я умираю от нетерпения.

Гостиная оказалась уютной, хотя и небольшой. Диван, два кресла. В стеклянном шкафчике Стас обнаружил бокалы и

сервисы. Привлекли внимание тёмно-зелёные шторы с рисунком.

– Напоминает картину Моне «Пруд с кувшинками», – заметил Стас. – Расцветка в таких же тонах.

– Странно, я помню все картины Моне, но не помню собственной жизни.

– Это нам и предстоит восполнить. – Они уселись в кресла. Стас подвинул поближе к себе кружку, стоящую на столе.

– Знаешь, вчера я бы в твоём доме... – начал он.

Во время его рассказа, Алла то смеялась, то плакала, то вскакивала, то садилась. А когда дошло до сцены в общежитии, добралась до серванта с бокалами.

– Какая же я дура! Дура! Набитая дура! – кричала Алла и, схватив бокал, швырнула его об стенку.

– Ты обещала! – Стас хотел схватить её, но что-то удержало его в кресле. Ему почудилось, что Алиса была вовсе не против разбитой посуды, только бы он не прикасался к Алле.

Методично перебив первый ряд, Алла упала в кресло. Подняла заплаканное лицо на Стаса.

– Понимаешь, почему я отношусь к мужикам потребительски? Вас нельзя любить. Как только влюбляешься, вы получаете власть, которой пользуетесь.

Стас молчал, не зная, как приступить к финальной сцене. На всякий случай встал из кресла и подошёл к окну. Алла вытащила очередной бумажный платок, высморкалась и швырнула на ковёр.

– Я помню этот день. Приехала домой. Вошла к себе в комнату. Там ещё витала прежняя атмосфера влюблённой дурочки. На кровати валялось платье, которое я не одела. На столе учебник по французскому. Тетрадь с недоделанным домашним заданием. Поняла: больше не смогу прийти в институт. Не смогу учиться. Я вырвала листок и написала записку. Ревела, буквы расплывались. А дальше темнота. Не помню.

Стас, слушая Аллу, второй раз представлял эту сцену, чувствовал её боль. Предательство, разбившее неокрепшую душу восемнадцатилетней хромой девочки.

– Как я это сделала? – глухо спросила Алла, подходя к окну и глядя вниз. Стас схватил её за плечи.

– Не бойся, здесь всего четвёртый этаж, и мне вовсе не хочется опять стать хромоножкой, – Алла высвободилась и прижалась лбом к окну.

– Что произошло на даче? – быстро спросил Стас.

Алла расширила глаза, погружаясь в прошлое.

– Мальчик, который мне нравится, заманил меня на второй этаж. Мы начали целоваться. А потом пришли его друзья. Это было пари. Он похвастался, что я пойду с ним. Они набросились на меня, начали трогать. Их скользкие руки шарили по моему телу. Задрали юбку, – Алла тяжело дышала. – А Борька, которому я посвящала стихи, смотрел, не пытаясь меня защитить. Как-то я сумела их оттолкнуть. Окно было открыто. Пахло сиренью. Я упала на кусты сирени. Нена-

вижу этот запах.

– Сядь, – Стас подвёл Аллу к креслу.

– Это был первый раз, когда меня предали. Второй раз наложился на первый. Я больше не могла верить мужчинам. Там был высокий этаж.

В её глазах было такое горе, что Стас подумал, лучше бы она ещё что–нибудь разбила. Но Алла уже не плакала. А потом встала, сжала кулаки и повернулась к Стасу.

– Слабачка. Я должна была выдержать. Этот говнюк не стоил моей жизни. Поставь чайник, Стас. В горле пересохло.

Стас нерешительно посмотрел на окно. На Аллу. Снова на окно. На Аллу. Но девушка смотрела на пол. Из-под дивана выкатилось что–то продолговатое и кругленькое. Остановилось у ног Аллы.

– Моя помада! – воскликнула девушка. – Любимая помада, которой она не дала мне накрасить губы перед твоим приходом.

Девушка схватила тюбик и открыла его. – Да, та самая от Кристиан Диор. – Алла нахмурилась.

– Она что, простила меня?

– У неё добрая душа, – сказал Стас, чувствуя, как подступают слёзы. – Алиса хотела тебя утешить.

– Ну спасибо тебе, Лиса.

– Почему Лиса? – удивился Стас. – Алиса.

– Муженёк её так называет. То есть меня, думая, что она это я. Может, хватит морочить ему голову?

– Тебе решать, – пожал плечами Стас. – У тебя в любом случае у тебя есть дом и там тебя ждут. И твой учебник французского лежит на той же самой странице.

– Ну, конечно. Отец. Мой бедный отец. Сколько всего ему пришлось пережить из-за меня. Не знаю, как выпросить прощение, – Алла закашлялась.

– Я всё же поставлю чай, – сказал Стас. – Думаю, тебя можно оставить одну.

– Конечно. У меня есть ещё дело. Доделать то задание по французскому языку.

– Это важно, – Стас развёл руками. – Самое важное, что ты должна сделать.

– А что? – Алла поправила волосы и провела помадой по губам. – Я ещё должна закончить МГИМО. Ох, я покажу всем парням, которые там учатся.

Алла на удивление быстро пришла в себя. Страхнула прошлое.

Алла так и не стала пить чай. Строила безумные планы. Вероятно с телом Алисы, она заразилась её уверенностью. Стас взял эклер и тут вдруг блюдце, чуть задрожав, подъехало к Алле.

Девушка открыла рот. Посмотрела на потолок.

– Это обалдеть! Значит, теперь можно?

Она нерешительно смотрела на блюдце, где осталось два эклера. Протянула руку. Блюдце стояло на месте. Взяла эклер, поднесла ко рту. Откусила кусочек.

– Странно, почему мне раньше не нравились эклеры? – спросила она у Стаса. – Спасибо, Лиса. Надеюсь, ты не против, если я буду тебя так называть?! Я оставляю тебе последний эклер. И обещаю не приставать к твоему парню, хоть он и красавчик.

Глава 12

Екатерина Семёновна не могла оторвать глаз от Аллы, когда они вошли. Застыла на месте, держась за стенку.

– Здравствуйте, Екатерина Семёновна! – бодро сказал Стас, чтобы разрядить обстановку. – Мы торт к чаю принесли. Алла выбирала. Специально заехали в кондитерскую на Арбате.

Увидев торт «Наполеон», Екатерина Семёновна побледнела. Опёрлась на стену. Торт к себе прижала. Потом тихо, словно каждая буква давалась ей с трудом сказала:

– Теперь я знаю, что ты Аллочка. Она всегда любила этот торт.

Алла сбросила шубку на руки Стасу и сделала шаг к старушке.

– Тётя Катрин, а я вас сразу узнала. Только волосы у вас были каштановые.

– Екатерина Семёновна! Тётя Катрин! – воскликнули Стас и Алла одновременно, бросаясь к оседавшей по стене старушке.

Стас подхватил лёгкое тело Екатерины Семёновны, Алла побежала на кухню в поисках валидола. Рука сама безошибочно открыла нужный шкафчик и достала лекарство.

Посасывая таблетку валидола, Екатерина Семёновна не отрывала взгляд от Аллы, которая держала её за руку. Стас,

пристроившись на стуле, не переставал удивляться, насколько могут сохраниться пристрастия у души. Алла принесла тот же торт «Наполеон». И, судя по реакции старушки, назвала её старым именем. Тётя Катрин звучало забавно, хотя для девочки, любившей французский язык, это не казалось странным. К тому же Екатерину Семёновну при её элегантности, назвать тётя Катя язык не повернётся. Стас взгляделся внимательнее. Сегодня хозяйка оделась особенно тщательно. Вишнёвое платье, янтарные серьги и янтарные бусы очень подходили к её облику, а седые волосы были уложены волосок к волоску.

Парочка смотрелась достаточно органично, словно внучка с бабушкой.

Алла одета скромно. Серое трикотажное платье расходилось до колен складками, на шее блестела золотая цепочка с кулоном сердечком. Волосы в аккуратнo забраны в причёску из кос, оставляя по бокам два кокетливых локона. Сегодня она ещё больше напоминала Стасу Алису, с которой он познакомился первый раз и ещё Мари. Стас вздохнул, ощутив в сердце привычную тоску. Как же нам быть с тобой, Мари-Алиса? Он вспомнил, как Алла, пока ехала в машине, рассказывала, как Алиса «одевала» её. Та одежда, которая ей не нравилась, падала из рук, пока Алла, наконец, не сняла, принадлежащее самой Алисе платье, задвинутое в угол шкафа.

Алле пришлось покориться, хотя, платье ей совершенно

не нравилось. Оно слишком мало подчёркивало её шикарную фигуру, и казалось невероятно скучным. Потом Алла решила расчесать волосы и распустить их по плечам. Она совершенно не имела ничего против кудрей, но рука сама потянулась к фену и начала укладывать их. Ну а после и вовсе началось удивительное: руки сами уложили волосы в низкий узел, а в шкатулке нашлись элегантные заколки, украсившие причёску. Дальше настал черёд украшений, потом макияжа, и вскоре Алла не узнала себя в зеркале.

«Теперь ты им понравишься», – услышала она голос в голове и уже не удивляясь, сказала в пустоту «спасибо».

– Ты стала красивая, – сказала Екатерина Семёновна, выдёргивая Стаса из его мыслей.

Утверждение звучало так, словно Алла только вернулась из дальнего путешествия. Стас кашлянул.

– Ох, – спохватилась Екатерина Семёновна. – Что же я лежу?! Нужно напоить вас чаем. Вы, наверно, проголодались.

– Тётя Катрин, я всё сделаю, – погладив руку старушки, Алла вышла из гостиной.

Екатерина Семёновна взглянула на Стаса.

– Как думаешь, она разберётся на кухне?

– Не сомневаюсь. Валидол она нашла быстро.

Екатерина Семёновна села и сложила руки на груди.

– Очень странно, она совершенно не похожа внешне – гораздо красивее – но такая же воспитанная и элегантная.

Видели бы вы её пару дней назад, подумал Стас, вспоми-

ная первый день их знакомства.

– Ну вот и чай, – в гостиную всплыла Алла, держа в руках серебряный поднос с фарфоровым чайником и чашками. Сейчас принесу торт.

Стас смотрел ей вслед. В этой квартире Алла даже двигалась не так порывисто, как обычно.

– Ну надо же! – всплеснула руками Екатерина Семёновна. – Она ведь нашла свой любимый сервиз на самой верхней полке.

Стас бросил взгляд на стол. Белые фигурные чашки с позолотой. На блюдечках позолоченные ложечки.

– Больше не сомневайтесь, что это душа Аллы?

– Нисколько. Только вот думаю, как Владимира подготовить. У него сердце больное.

– Скрыть уже не получится. Алла сама его найдёт. Вы не представляете, какой у неё характер. Хотя, – Стас усмехнулся, – уж вы-то, конечно, представляете.

– Зато в ней столько жизни. Володенька воспрянет. А как вы думаете, она переедет сюда?

– Думаю, да. Ей сейчас достался чужой муж, которого она презирает. Да и к этому дому, она, как на работу ездила каждый день. Только вот, – Стас вздохнул и замолчал, подумав про Алису.

– Что вот? – встрепелась Екатерина Семёновна, подавая вперёд.

– Пока она в той квартире, есть связь с моей Алисой. А

если Алла уедет...

– Да уж, история, – старушка вздохнула и улыбнулась, глядя на появившуюся в дверях Аллу с тортом. – Но Вы же понимаете: она нужна здесь.

– Если речь обо мне, то я могу остаться хоть сегодня. Правда, Стасик? Хотя, нет, – Алла уселась на стул. – Я не могу оставить Лису. Да? – Стас кивнул. – Но я могу приезжать каждый день, пока мы не найдём возможность, как всё это решить. Не грустите, тётя Катрин. Давайте тортик кушать. Честное слово, простите меня, но я не могла выдержать и съела кусочек на кухне. Совсем малюсенький.

– Она всегда была такая! – сказала Екатерина Семёновна. – Как только в доме появлялся Наполеон, к столу он целым не попадал.

– Тётя Катрин, вы меня смущаете, – рассмеялась Алла, ловко раскладывая торт по блюдам. – Стасик, а ты знаешь историю этого прекрасного тортика? Например, что во Франции и Италии его называют «Тысяча слоёв или тысяча листов»?

– Нет, помотал головой Стас. – Могу предположить, что назвали его, наверно, в честь Наполеона? – улыбнулся Стас.

– Ты очень догадлив, – Алла скорчила уморительную мордашку.

– И если торт назвали в честь Наполеона, значит, он был приготовлен во Франции.

– И снова двойка, – захлопала в ладоши Алла. – Торт

приготовили в России. В честь ста лет победы над Наполеоном. Торт выпекли в форме треугольника, который напоминал шляпу Бонапарта и посыпан крошкой, символизирующей снег, которого испугались теплолюбивые французы.

На некоторое время девушка умолкла, смакуя каждый кусочек.

Екатерина Семёновна не сделала ни глоточка чая, Стас, напротив, выпил целую чашку, а торт показался ему слишком жирным. Алла потянулась за вторым куском.

– Торт изумительный, – Алла проглотила ещё кусочек. Посмотрела на старушку. – Тётя Катрин, вы рассказали отцу?

Екатерина Семёновна покачала головой.

– Решила сначала сама с тобой познакомиться. Надо его подготовить.

– Зачем?! Это же радостное событие. Можно, я с вами пойду. Вдруг он меня узнает?

– Давай в другой раз, деточка. – Екатерина Семёновна кашлянула и сделала глоточек чаю. – Не всё так просто. Владимир Валентинович физик. Я попробовала вчера завести разговор о душе, он поднял меня на смех. Сказал, что есть только эта жизнь – единственная.

– Тогда зачем он хранил мою комнату, если не думал, что я вернусь?

– Это просто память о том времени, когда у него была дочь, которая не подумала о нём, уходя из жизни. Ты хотя

бы представляешь, что пережили твои родители?

Лицо Аллы помрачнело. Девушка бросила ложку на блюдо, и Стасу показалось, что, если старушка продолжит её воспитывать, та бросит в неё вазочкой. Но девушка опустила голову, водя пальцем по розам на скатерти.

Молчание было таким долгим, что Стас боялся пошевелиться. Боялся, что Алла встанет и уйдёт. Алла порывисто отодвинула стул и подошла к окну. Стас рванулся за ней.

– Не подходи! А то прыгну! – она выставила вперёд руку с чёрными коготками и посмотрела на Екатерину Семёновну. – У вас была хорошая жизнь, вы не стали хромоножкой, и муж любил вас. Вы понятия не имеете об том, что чувствовала я, глядя на обычных девчонок. Как мне хотелось танцевать на выпускном, а не сидеть в углу. Как мне хотелось ходить на свидания на каблуках. Да что вы можете понимать?! Здоровые, любимые. Обласканные судьбой. – Алла прижалась лбом к окну, и Стас, улучив момент, оказался рядом, схватив её за руку.

– Прыгнешь ты, прыгну и я! – сказал он. – Давай! Мне нечего терять. Будет легче встретиться с Алисой.

Алла повернула к нему голову. Долгое время они стояли, глаза в глаза и рука в руке. Потом девушка засмеялась и потянула Стаса от окна.

– Ты сумасшедший. Такой же сумасшедший, как и я.

– Прости меня, я не должна была так говорить, – донёсся слабый голос Екатерины Семёновны. По её щекам текли

слёзы. – Я действительно не испытала этого в жизни и у меня нет никаких прав осуждать тебя. Кстати, твой отец этого никогда не делал. Он осуждал себя, что не смог тебя поддержать.

– Тётя Катрин! – бросив руку Стаса, Алла одним прыжком оказалась на коленях у стула старушки. – Простите меня. Сама не знаю, что на меня нашло. Я не собиралась прыгать. Хотела вспомнить. А оно как накатило.

Екатерина Семёновна гладила Аллу по голове, говоря какие-то ласковые слова. Алла уткнулась ей в колени, а потом вдруг подняла лицо к ней. Волосы растрепались. По щекам текли слёзы.

– Моё горе было так огромно, что я ни разу не вспомнила об отце. Эта любовь выпила мозг, разъела душу. Нельзя так любить мужчину, – внезапно Алла поднялась с колен. Заправила пряди за уши. – Только сейчас я осознала свою вину перед ним. Я ведь была его любимой доченькой. Стас! Нам лучше уйти. Умерла, так умерла.

Екатерина Семёновна уронила голову на руки.

– Ты не можешь уйти, – сказал Стас Алле, вцепившейся в его руку. – Какая бы ты ни была, ты нужна им. Ты попросишь прощения у отца, и я уверен, что....

– Отец не узнает меня. Он помнит ту девочку, которая где-то похоронена. Пусть так всё и останется.

Екатерина Семёновна решительно встала, придерживаясь за стол.

– Как там сказал, Стас: прыгнешь ты, прыгну и я. Моя жизнь прожита и ещё несколько лет ничего не добавят. Если ты уйдёшь, я не отвечаю за себя. Я слишком привыкла к мысли, что ты вернулась, и наша жизнь обретёт смысл.

– Нет, тётя Катрин. Вы этого не сделаете, – Алла подошла к ней и обняла, но старушка сняла её руки и решительно взглянула на неё. – Я сделаю это раньше, чем вы спуститесь на лифте. Если ты уйдёшь навсегда.

Алла выдохнула.

– Хорошо, я не уйду. Ну, то есть уйду, но вернусь.

– Нет, – покачала головой старушка. – Мы заварим горячий чай, сядем втроём и хорошенько обмозгуем, как нам быть. Нужно найти веские доказательства того, чтобы твой отец понял, что в тебе душа его дочери.

Валерий Никандрович уже несколько дней не мог найти себе места. Такого раньше с ним не случалось. Он уже лет тридцать, как научился видеть души без тела и разговаривать с ними по своему желанию или когда надо было выполнить чью-нибудь просьбу. Например, успокоить родственников умершего или передать жене вместе с добрыми словами о прошлом пожелание жить дальше и на то самое прошлое никак не оглядываться. Жизнь прекрасна и, находясь, без тела, это хорошо понимаешь.

Валерий Никандрович помог внучке решить задачку по математике и его мысли вновь вернулись к Алисе. Он даже кулаком по столу стукнул. Ну какое ему до неё дело? Завис-

ла в квартире и пусть сидит. Он, конечно, полюбовался ей, когда она научилась двигать предметы и вошла в контакт с чужой душой в своём теле. Ну а дальше то что? Сколько этот Стас будет её ждать, если его девки так и одолевают. А он всё помогает и помогает. Валерий Никандрович и за ним следил. Следил и ругался на себя, но больше на него. Не тем занимаешься, парень. Тебе любимую надо спасать. А ты даже ласковых слов для неё не нашёл. Зато с этой чужой возится. Тыфу. А она опять за своё – к окошку прыгнула. Ещё неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы он этого парня не подтолкнул к этой сумасшедшей. Уж очень не хотелось ему обезображенное тело Алисы видеть на асфальте. А вот если бы она прыгнула, тут уже он ничего не смог бы поделать.

Валерий Никандрович опять судьбы Алисы и Стаса пересмотрел. Нет у них встречи в современном мире. Значит, отправлять их надо. А куда? Глаза закрыл. Погрузился в прошлое. Искал два тела: мужское и женское без сознания, но ещё живые. Россию смотрел после восстания декабристов. Ничего подходящего. Перемотал десять лет. Опять ничего. Ещё десять. И вдруг увидел их живыми на балу в Петербурге. Он в военной форме, она в бальном платье. Смотрят друг другу в глаза. А потом вдруг пропал Петербург. Выстрелы, снаряды рвутся, тела мёртвые и полуживые. И он там же. Дальше всё пеленой заволокло, даже голова разболелась. Валерий Никандрович не заметил, как задремал в кресле. Олешка, внучка, разбудила.

– Дедушка, дедушка, проснись. Тебя мама к телефону.

Как во сне с дочерью поговорил. Отложил телефон и услышал голос в голове: «Лучшего варианта не будет. Инструкции получишь. Будущее их знать необязательно».

Валерий Никандрович голову склонил на грудь: как скажете, так и будет.

Глава 13

Валерий Никандрович выбрал время, когда Алиса одна была. Муж на работу ушёл, Стас с этой чужой душой уехали. Тьфу на него. Никак не может от неё отвязаться. Валерий Никандрович Олюшку в школу отвёл, вернулся домой и отправился в путь, уложив тело своё на диванчике. Посмотрел на него сверху и крикнул: эх, какой ты старый стал, Валера. Пора тебе морковку и поменять, ходить уже тяжело-вато. Ну да ладно, за дело. То время, когда он тело оставлял, Валерий Никандрович очень любил. Такая лёгкость была в этих путешествиях, особенно старику понятная. Пролетел мимо школы, где Олюшка на уроках занималась и отправился дальше по маршруту в квартиру Алисы. Посмотрел на суетную Москву, на стоящие в пробках автомобили, торопящихся людей. Эх, было время, и он так жил.

А теперь вот научился по воздуху перемещаться. Правда, этому предшествовала трагическая история, после которой пришлось долго восстанавливаться. Тогда Валерий и научился свою морковку – тогда ещё не сильно потрёпанную – восстанавливать. Врачи сказали, что он не встанет на ноги. Но душа не согласилась и долгими ночами мысленно сшивала разорванные сосуды, сращивала кости. Ну а главное: восстанавливала мозг.

Ну хватит воспоминаний. Валерий немного покрутился

над площадью Белорусского вокзала. Красиво теперь тут, правда, машин отнюдь не убавилось. А он помнил ещё то время, когда здесь стоял памятник Горькому, а вокруг цветочки росли.

– Привет, девонька, – ласково сказал Валерий Никандрович, усаживаясь на диван напротив того угла, где зависла Алиса. – И уж извини за халат. Так ты меня скорее узнаешь.

– Здравствуйте. Я отчего-то ждала вас. Никак не могу выбраться отсюда. Словно в клетке. Душа в клетке. Но я иногда вижу его. Любимого. И я всё вспомнила. И ещё смотрите, что могу. – Алиса подвинула к нему вазочку с печеньем на журнальном столике. – Угощайтесь. Кофе варить, правда, не научилась.

Валерий Никандрович вазочку обратно передвинул. На самый край. А дальше ещё чуть– чуть толкнул, и вазочка в воздухе зависла.

Алиса, если бы у неё ладоши были, наверно, бы захлопала.

– Ой, а меня можете научить?

– Ни к чему тебе это, девонька. Тебе выбираться надо отсюда. Ты говоришь: всё вспомнила?

– Мы с Николашей были так наивны: думали предотвратить восстание декабристов. Да разве можно изменить историю, которая уже случилась?! Но там были такие чудесные люди, их хотелось спасти. Вы не представляете, что значит, смотреть человеку в глаза, зная, что его через полгода повесят. Рылеюшка, Каховский. Они были такие милые. Эх, если

бы можно было вернуться, — Алиса помедлила. — Вместе с Николашей. Его там Николашей звали. И женщины к нему так и липли. Он такой красивый был.

— Ничего не изменилось. Тебя совсем не беспокоит, что он с этой чужой душой, которая твоё тело заняла, таскается?

— Беспокоит, конечно. Но я в эту жизнь не хочу возвращаться. Не моё тут всё. А с этой чужой душой, как вы её называете, мы подружились. Сначала она мне, ох, как не нравилась. А теперь приходит и мне рассказывает, как день прошёл. Сегодня они поехали к её отцу. Как всё это пройдёт у них?! Узнает ли он её?

— Послушай меня, девонька. Я твоему парню это говорил и тебе говорю: не ваше это дело. Она грех ужасный совершила: жизни себя лишила. А теперь вот думает, в чужом теле всё поправить. Не выйдет. Судьба не дремлет.

— Что-то плохое случится?

— Даже смотреть туда не хочу. Я к тебе пришёл, чтобы помочь. Времени мало. Да и у тебя его не больше. Хочешь остаться здесь на долгие годы, наблюдая за чужими жизнями?

— Нет, конечно. Но знаете, у меня есть маленькая радость: я по ночам летаю по городу. И это такое чудесное чувство.

— Знаю, мне тоже нравится. Но ближе к делу. В этой жизни ваши жизни с тем, кого ты любишь, больше не пересекаются. Судьба так распорядилась.

— А можно нам опять в Петербург? Ну или куда-нибудь,

только бы вместе.

— В Петербург можно, но ненадолго. И попозже. Впрочем, у тебя выбор будет: ты сможешь там остаться.

— А он?

— А вот у него выбора не будет. Приказ есть приказ. На фронт, значит, на фронт.

— Но... как же я без него?

— А вот он без тебя здесь прекрасно разгуливает с твоим телом. Не надоело ещё?

Если бы Алиса могла, она бы расплакалась. Ещё как надоело.

— Ну ладно-ладно, девонька, — уловив эмоцию грусти, тут же смягчился Валерий Никандрович. — Готова ли ты на путешествие? Есть одно тело, которое скоро освободится. Титул, красота, окружение. Баронесса. Всё есть, а душа слабенькая, чтобы с болезнью справиться. Но ты сильная. С телом Мари у тебя получилось. На этот раз, правда, посерьёзнее будет.

— А как же Стас?

— Если он будет очень сильно проситься, я его к тебе отправлю. Хотя я бы его наказал.

— Не надо. Он добрый. Хочет помочь.

— Не делай добра, не получишь зла. Ну так что, готова?

— А можно завтра? Мне бы с ним поговорить. Сказать, что я буду его ждать.

Валерий Никандрович с досады уронил вазочку с печеньем на ковёр. Ну что будешь делать с этими бабами?!

Отправился в девятнадцатый век посмотреть на юную баронессу. Лежит в кровати, дышит тяжело. Рядом мать за руку держит, по лицу слёзы катятся. Молитву шепчет. Девушка закашлялась тяжело. Мать тут же подскочила, приподняла. Тяжёлый надрывный кашель вымотал девушку. Глаза закрыла. Потом открыла, крепче сжала материнскую руку. Лицо бледное, глаза голубые. Волосы светлые спутались на подушке, промокли от пота.

– Маменька, не уходите, страшно мне. Вдруг умру я?

– Не говори так, Лизонька. Ты поправишься. Доктор сказал. Только потерпи.

И снова кашель, сотрясающий девичье тело.

Как только приступ закончился, мать уложила дочь на подушки и выскочила из спальни, вытирая на ходу слёзы. Муж подошёл, обнял. Красивый ещё мужчина лет сорок пяти с поседевшими висками в домашнем сюртуке. Жена отстранилась.

– Пошли за доктором. Боюсь я.

– Так доктор утром был.

– Мы теряем её. Сил уже нет бороться. Я вижу по ней.

– Я сам съезжу за доктором, – барон решительно вышел из комнаты, а мать, приняв от служанки стакан воды, снова поспешила к дочери, беспокойно ворочавшейся во сне.

Не переживёт эту ночь баронесса Елизавета Калиновская, понимает Валерий Никандрович.

– Послушай, девонька, тебе спешить надо. Нет у тебя завтрашнего дня. Душа баронессы уже на излёте, и только ты со своими силами можешь спасти это тело, возле которого костлявая вертится.

– Кто она? – оживляется Алиса, уставшая от бездействия.

– Баронесса Елизавета Калиновская, двадцати лет отроду. Богатый дом, любящие родители. Красавица, между прочим. Решайся!

– А Стас как же?

Валерий Никандрович еле сдержался.

– Возможность встречи присутствует. Возможность быть вместе зависит от вас.

– Вы передадите ему, что я буду ждать его там.

Уж хоть бы замуж тебя там забрали, подумал Валерий Никандрович, но Алису, как мог успокоил: сделает всё, что может. Поднялся к ней в её любимый угол на потолке, подхватил и помог выйти через стекло в звёздную ночь. Ну а там уже всё просто было. Туннель времени открыт, направление задано.

Удачи, милая, прошептал Валерий Никандрович, зная, что эту ночь спать не придётся. Будет переживать, как там всё сложится. Борьба предстоит серьёзная. И не на один день.

Стас вдруг почувствовал, как навалилась тоска. Даже дышать стало трудно. И ощущение одиночества, словно ты

один в этом мире, который пеленой заволокло. Алла и Екатерина Семёновна расплылись, словно их туманом накрыло. Из правой руки, выпала на скатерть чашка с недопитым чаем, оставив бурое пятно.

Что со мной? Зачем я здесь?

– Стасик, – бросилась к нему Алла, еле успев удержать стул, с которого он чуть не упал. – Что с тобой? Давай приляжешь.

С помощью Аллы он проковылял к дивану.

– Её нет.

– Кого нет? – удивилась Алла.

– Я снова потерял её.

– О ком он говорит? – спросила Екатерина Семёновна, наклоняясь над ним.

– Ты про Алису? – сообразила Алла.

– Алиса ушла. Оставила меня. Меня предупреждали, чтобы я не лез в чужие дела, – Стас, несмотря на слабость, попытался подняться, но Алла снова уложила его на подушки. – Да никуда не делась твоя Алиса. Сегодня опять командовала, как мне одеться. – Алла показала на строгую чёрную юбку и синюю блузку в белый горошек. – Это не моя одежда. Это из её гардероба.

Стас коснулся рукава блузки, но тут же отдернул руку, почувствовав тёплое тело Аллы.

– Красивая кофточка.

– Это в её вкусе, не в моём. А приходится носить. Ты не

раскисай, Стасик. Мы сейчас сходим с Екатериной Семёновой к ... папе. А потом домой поедем. Сегодня муженёк на корпоративе, так что ты сможешь подняться ко мне и убедиться, что Алиса там.

– Хорошо, – у Стаса не было сил сопротивляться. Ему казалось, что от него осталась ровно половина. Он был на сто процентов уверен: Алисы в этом мире больше нет. Валерий Никандрович оказался прав: не нужно соваться в чужие дела.

Стас не заметил, как задремал. Ему приснилась девушка со светлыми волосами, раскинувшимися на подушке. Прекрасное нежное лицо, измученное болезнью. Голубые глаза, потерявшие надежду. Ему хотелось сказать ей, чтобы она держалась. Он был уверен, что это Алиса.

Стас проснулся от звука шагов. Над ним склонилась Алла. Ещё во власти сна он протянул к ней руки:

– Алиса. Ты не ушла. Ты со мной.

– Это всего лишь я, – тихо сказала Алла, кладя прохладную руку на ему лоб. – Стасик, у тебя температура. Ты бредишь.

– Пусть останется у меня, – вмешалась Екатерина Семёновна, но Стас приподнял голову с диванной подушки. – Всё в порядке. Мне нужно идти. Как ... дела?

Алла улыбнулась.

– Ох, ну нам, конечно, пришлось побороться и не обошлось без валокордина, но мне удалось его убедить. Расска-

зала, как в детстве он научил меня играть в домино, а мама ругалась. Однажды меня застукали во дворе, я играла со стариками на деньги и выиграла целый рубль. Мама хотела меня выпороть, а отец заступился. После этой истории отец мне поверил. Ты не представляешь: моя комната осталась в том же виде. Это, конечно, приятно, но так несовременно. Я думаю, сделать там ремонт. И вот, она потрясла перед его глазами учебником: я собираюсь доделать то задание по французскому.

Стас поморщился, голова ещё больше разболелась. Появилось ощущение, что Алисе, где бы она ни была, очень и очень плохо и нельзя терять времени. Он должен быть рядом с ней.

– Алла, – тронула её за плечо Екатерина Семёновна. – Ты потом расскажешь. Может, вам чаю? – спросила она Стаса.

– Нет, спасибо. Если найдётся, я бы выпил таблетку от головной боли, – он спустил ноги на пол. Комната плыла перед глазами. Сфокусировался на сахарнице и с усилием поднялся на ноги. Покачнулся.

– Держись за меня, – подскочила Алла. – Да что же это такое с тобой?!

Это не со мной, подумал Стас. Это Алисе очень плохо, а я чувствую её боль. Прости меня, что бросил тебя. Я найду тебя, где бы ты ни была. Только держись, милая. Только держись. Я бы молился за тебя, если бы умел. Я бы взял твою боль.

– Вот анальгин и стакан воды, – подошла к нему Екатерина Семёновна.

Стас опустился на стул, выпил таблетку. Обе женщины не сводили с него глаз, а он был там. С Алисой. Милая, только дождись меня.

На мгновение перед ним снова возникло лицо той девушки. Длинные ресницы отбрасывали тень на бледные щёки, а на лице появилось упрямство, которое он так часто замечал в Алисе. То самое упрямство, с которым Мари пыталась предотвратить восстание, а потом ползла по льду, чтобы вытащить его из Невы. Чем бы там ни болела эта девушка, сильная душа Алисы победит болезнь.

Головная боль отступила, Стас поднялся на ноги. Вышли в коридор. Нашлись силы подать Алле шубку. Ему нравилась эта светлая шубка. В ней была Алиса в их первый день. Он незаметно провёл рукой по меху. Может, ещё сохранились прикосновения любимой?

Домой Алла гнала машину, словно участвовала в ралли. Даже проскочила на красный три светофора.

– Ты что, хочешь убиться? – спросил Стас. – Новое горе отцу принести?

– Извини, я просто нервничаю, – Алла сбавила скорость. – Хочу собрать вещи до прихода мужа, и если Алисы там нет, поеду к отцу.

– Быстро у тебя всё получается, – заметил Стас.

Алла повернулась к нему, вильнув рулём, чуть не въехав

в соседний автомобиль.

– Ты уверен, что тридцать пять лет, это мало? Отец показал мне моё свидетельство о рождении. Я родилась в 1967 году, вышла из окна в восемнадцать. Тридцать пять лет наказания между мирами, это мало, по– твоему? – Алиса нажала на газ и вырвалась из потока автомобилей под протестующие гудки.

Водитель, догнав их и посмотрев в окно на Аллу, покрутил у виска.

– Вот козёл! Сейчас я его сделаю! – Алла прибавила газу.

– Если ты это сделаешь, я высажу тебя из-за руля, – твёрдо сказал Стас. – Неужели тебе не понять, что сейчас тебе нельзя рисковать жизнью?! Это тело, вообще, не твоё и ты не имеешь никакого морального права разбивать его в аварии. Ты взяла его напрокат и должна вернуть в целости и сохранности!

Стас чувствовал, как его распирает от злости за потерянное время. Хотелось взять Аллу за плечи и встряхнуть из тела эту чужую неугомонную душу. Стас ожидал взрыва, но Алла притихла, поехала медленнее и даже остановилась на светофоре, который запросто могла проскочить. Пока горел красный свет, положила ему руку на колено.

– Прости. Ты прав. Я не должна. Просто я... не хочу тебя терять.

Теперь уже Стас повернулся к ней.

– Что, значит, не хочешь?

– Я привыкла к тебе. А теперь, когда всё решено, ты не будешь со мной встречаться.

Стас пожал плечами.

– Я помог тебе, как мы договаривались. Ты вернёшься в свой дом, поступишь в институт. Найдёшь себе кого-нибудь. Замуж выйдешь.

Алла закусила нижнюю губу. Лицо приняло упрямое выражение. И она опять стала безумно похожа на Алису.

– Замуж? Чтобы найти такого же придурка, который достался мне по наследству? Или такого, из-за которого я вышла из окна? Ну уж нет! Таких, как ты, нет. Ты другой.

– Брось! – Стасу не нравился этот разговор. Он внезапно понял, из-за чего бесилась Алла. Из-за того, что думала: сегодня их последняя встреча. Неужели она прониклась чувством к нему? Он ведь был так осторожен. Предупредил. Неужели?

До дома доехали в молчании. Может, не подниматься, уйти? Но ему нужно быть уверенным на все сто, что Алисы там нет.

Алла легко припарковалась. Стас вышел из машины. Уже стемнело. Посмотрел на окна. Свет не горел.

– Может, проверишь прежде, чем подниматься? – спросил он Алису.

– А ты что, боишься моего мужа? – Алла вызывающе взглянула на него и затопала к подъезду.

Пришлось идти за ней. Только бы ничего не выкинула,

подумал он. Не нравилось ему её настроение. У лифта уже стояли двое жильцов. Когда подошёл лифт, они втиснулись туда вчетвером. Алла стояла прижатой к нему. Он чувствовал запах её духов. Видел голую полоску шеи, выглядывающей из-под шубки. Их взгляды встретились. Стас отвёл глаза, ругая себя, что не пошёл пешком.

Алла открыла дверь и в сапожках прошла по комнатам. – Свобода! – объявила она Стасу и куда-то скрылась.

Стас прошёл на кухню, где Алиса «угощала» его эклером. Сел на то же самое место. Алиса, ты здесь?

Тишина.

Алиса, дай мне знак, попросил Стас.

Тишина.

Вздыхнул. Попытался настроиться на неё. Почувствовать. Ничего не выходило.

Алиса?

Стас так ушёл в себя, пытаясь настроиться, что не заметил, как перед ним появилась Алла, усевшаяся напротив. Облокотилась на стол, заставляя его глаза уткнуться в глубокий вырез обтягивающей красной кофточки.

Он подался назад, разглядывая девушку. Чёрная юбка с блёстками открывала длинные ноги в ажурных чулках. Даже туфли надела на немыслимо высоком каблуке. Волосы распустила по плечам и взлохматила.

– Ты что так разоделась? – стараясь держаться спокойно, спросил Стас.

– Проверяла, здесь ли твоя Алиса, – Алла развела руками. – Её здесь нет. Иначе она бы никогда не позволила мне так одеться.

Алла покрутилась перед ним.

– Ну и как я тебе?

Стас молчал. Сейчас он видел тело Алисы в новой волнующей красоте. Эта неприлично обтягивающая одежда до сумасшествия шла к её рыжим волосам, к её тонким чертам лица, к её подведённым – когда только она успела? – глазам.

Стас был уверен: Алиса никогда бы не позволила себе так одеться. И в то же время он не мог не сознаться себе, что он хотел бы снять с неё кружевные чулки, целуя обнажавшуюся голую кожу. Он медленно обвёл бы языком вырез кофточки. Зарылся бы руками в её мягкие локоны.

Алла подошла ближе. Он встал, чтобы она не села ему на колени. Их глаза оказались на одном уровне, и девушка быстро поцеловала его в губы, прижимаясь всем телом.

– Не надо, – Стасу удалось отодвинуться, но она, обхватив его за шею, зашептала на ухо. – Её нет, а мы здесь. Представь, что я это она. Я видела, как ты на меня смотрел. Ты ведь не сможешь отказать девушке, которую никто не любил. Единственное, к чему я всегда стремилась, это к любви.

– Алла, пожалуйста, не надо. Я не могу.

Стас снова отодвинулся.

– Я влюбилась в тебя, Стасик. Потеряла голову. Только одна ночь и делай, что хочешь. Я обещаю исчезнуть для тебя.

Начать новую жизнь.

Её руки снова обхватили его за шею. Он чувствовал её горячее дыхание и подрагивающее тело совсем рядом. Любой мужик на его месте, посчитал бы его идиотом.

– Иногда так хочется любви, что ты готова пожертвовать всю оставшуюся жизнь, – сказала Алла.

– Какого чёрта? Это не твои слова, – пришёл в себя Стас, решительно отодвигая от себя девушку.

Эти слова сказала ему Алиса, когда призналась, отчего решилась на авантюру. Ей казалось, что именно в романтическом девятнадцатом веке она найдёт любовь, на которую не способны современные мужчины. Нет, он не будет тем подонком, который будет надеяться, что Алиса не узнает о предательстве. Достаточно того, что он будет знать.

– Алла, нет! – Стас поймал взметнувшиеся тонкие руки и решительно сжал. – Послушай меня. Я был честен с тобой, что между нами ничего не может быть. Я предупреждал тебя. Ни тебе, ни мне это не нужно.

– Не нужно тебе, а я готова отдать...

– Готова отдать жизнь? Ты хотела сказать? – разозлился Стас. – Из-за чего? Из-за одной ночи с мужиком, который тебя не любит? Тебе оказалось мало того урока, который ты получила тридцать пять лет назад? Хочешь снова висеть между мирами ещё лет пятьдесят? А как же твой отец, который ждёт тебя завтра? Ты предашь его?

Алла побледнела и отступила на шаг.

– Не смей так разговаривать со мной!

– Ещё как смею! Я остался здесь из-за тебя, потратил время, которое, может быть, невосполнимо. Но верно говорят: не делай добра, не получишь зла! С меня хватит! Можешь вешаться или снова выходить в окно, я пальцем не пошевелю, чтобы тебя удержать.

Стас, задев плечом Аллу, прошёл в коридор, схватил пуховик и хлопнул дверью.

Идиот! Дурак! Болван! ругал он себя, быстрыми шагами, направляясь в сторону метро.

Через некоторое время он услышал, как сзади едет машина. Обернулся. Из неё выскочила Алла. Её лицо, освещённое фарами, залито слезами.

– Я не хочу, чтобы мы так расстались, – Алиса подошла ближе. – Прости меня, Стасик. И, – она всхлипнула, – спасибо за всё. Я соберу вещи и поеду к отцу. Ни у кого не будет такой любящей дочери, как у него. Обещаю.

– Ладно, не хныкай, – улыбнулся Стас. – Я не сержусь на тебя.

– Тогда мир? – Алла протянула руку.

– Прощай! – помедлив, Стас пожал холодные пальцы и почти бегом побежал к метро, зная, что Алла стоит и смотрит ему вслед.

Глава 14

Алиса наблюдала сверху. Бледная Елизавета Калиновская после очередного приступа кашля лежала бледная на подушках. Рядом на стульчике сидел старенький доктор в круглых очках, считая пульс. На лбу у Елизаветы выступила испарина. За доктором, прижав руки к груди, стояла старшая Калиновская, губы которой беззвучно шевелились: «Лизонька. Лизонька». Сдвинув брови в упрямую складку, с противоположной стороны застыл отец, барон Александр Михайлович, чьё обычно довольное жизнью лицо исказила гримаса отчаяния. Участвуя во многих сражения, барон часто сталкивался со смертью и хорошо знал, когда приходит костлявая. Сейчас он мог бы поклясться: её тень нависла над любимой дочерью. Охватило чувство вины. Если бы только он отказал Лизе в этой прогулке на лошадях. Он был уверен, что пойдёт дождь, но дочурка умела уговаривать. Балованная единственная дочка, которой отец никогда не умел отказывать. И вот, пожалуйста. А Лиза ещё весной перенесла бронхит. Да и лёгкие у неё были слабые.

- Сегодняшняя ночь будет решающей, – сказал доктор.
- Надо быть готовым ко всему.
- Нет! – всхлипнула баронесса. – Неужели ничего нельзя сделать? Должно быть какое-то лекарство.
- К сожалению, – доктор поднялся со стула. – Останусь с

вами на всякий случай.

Доктор сложил чемоданчик, ещё раз посмотрел на Лизу и, покачав головой, вышел из комнаты. Родители переглянулись. Александру Михайловичу снова показалось, что в покрасневших глазах жены промелькнул упрёк. А ведь она его никогда себе такого не позволяла, даже если он был не прав. Если только шутя за то, что он никогда не отказывает Лизе. Но что делать?! Лиза появилась на свет поздно, когда они оба уже перестали ждать и решили жить друг для друга. И это вовсе бы не напрягало Александра Михайловича. Детей больше хотела жена, нежели он. Ему с тех самых пор, как они поженились, ни с кем не было так хорошо, как с его Леночкой. Многие из его друзей заводили интрижки, а для него Елена была единственная любовь на всю жизнь. – Елена прекрасная. Она и сейчас, несмотря на свои пятьдесят восемь, казалось ему самой красивой.

А уж когда счастливая и уставшая после родов жена положила ему на руки ангелочка с кудрявыми светлыми волосами, он никогда не был так счастлив. Шаловливая Лиза была для них счастьем и отрадой. И уж за что они так прогневили Бога, что он решил на старости лет отнять у них единственную и любимую дочь? Нет-нет, он не должен так думать. Лиза поправится и снова будет скакать на своей любимой Капризке. И они выдадут дочку замуж и закатят самую шикарную свадьбу. Дела семейные шли хорошо, и Лиза при своей красоте, обаянии и уме могла составить партию и для коро-

левской семьи. А сколько предложений достойных женихов она уже отклонила, причём с таким тактом, что они вовсе не обиделись, а остались в друзьях и ещё сильнее за ней ухаживают.

«Папенька, я выйду замуж только когда полюблю, как ты маменьку. Вот подойдёт он ко мне, я в глаза ему посмотрю, и сразу пойму: пришёл мой суженый».

Романов начиталась, ворчала матушка, а папенька только гордился успехами Лизоньки и уважал её мечту. Пусть выйдет за любимого, и он полюбит его, как сына.

Лиза, которую сморил недолгий сон, снова закашлялась. Они с двух сторон приподняли её. Когда миновал приступ, Лиза ухватилась за их руки.

– Маменька! Папенька. Не уходите от меня! Боюсь я одна. Не выкарабкаться мне уже. – По щеке девушки ползла слезинка. – Так обидно умирать такой молодой. И я не встретила любимого.

– Ты поправишься! Не говори так, – баронесса изо всех сил старалась держаться спокойно.

– Конечно, милая, – вторил отец, помогая лечь на подушки.

– Вы рядом встаньте, – сказала Лиза, как рядом всегда были. И ты, маменька, обещай не ругать папеньку за ту прогулку. Я думала: дождик стороной пройдёт, – Лиза захрипела.

– Тсс, милая, береги силы, – склонилась над ней баронесса, беря Лизу за руку. Быстрыми шагами встал за спиной же-

ны барон. Она чувствовала его тяжёлое дыхание.

– Ты обещаешь, маменька.

– Всё обещаю, милая. Только не оставляй нас, – взмолилась баронесса.

Алиса поняла: пора. Тончайшая нить, соединяющая тело и душу, стала совсем невидимой. И вот со взмахом Лизиных длинных ресниц, душа покинула измученное тело, и Алиса, сконцентрировавшись, заняла её место. Они проскользнули мимо друг друга, словно прохожие, едва не столкнувшись.

Алису охватила слабость. Каждый вздох давался с трудом. Ах, как же хорошо было просто наблюдать, вздохнула она, пытаясь приноровиться к новому состоянию.

Но Лиза должна жить. Алиса заставила себя подавить приступ кашля. Задержала дыхание. Постаралась дышать ровно. Вдох-выдох. Вдох-выдох. В школе у Алисы случались бронхиты, и она научилась справляться с приступами. Главное: не рвать горло. Ещё один приступ прошёл мимо, и Алисе удалось восстановить дыхание. Слабость была такая, что голова кружилась, стоило глаза к потолку поднять. Посмотрела на баронессу. Хотелось её ободрить. Она, конечно, не их Лиза, но постарается быть им хорошей дочерью. И не узнают они боли потери.

Были бы силы, улыбнулась бы. Алисе всегда хотелось иметь отца, но её родители рано развелись, и она не изведала счастья быть любимой дочерью. Но, похоже, судьба преподнесла сюрприз.

Алиса не заметила, как глаза закрылись, и она провалилась в сон. Увидела Стаса. Они танцевали медленный вальс. Это был новый Стас с бородой и чёрными волосами, но она знала, что это он по тому, что испытывала то самое состояние радости, которое возникало, когда они встречались. И была такая лёгкость и слаженность в их движениях, словно они были одним целым, а музыка их прекрасным дополнением.

Стас вышел из метро и первым делом набрал номер Валерия Никандровича. Абонент вне зоны действия. Только этого не хватало. В тот самый момент, когда он нужен. Как без него Стас отправится к Алисе? Пусть ругается на него, но отправит. Стас готов заплатить любые деньги, только бы тот согласился. Молодой человек надавил ещё раз на зелёную трубку на дисплее. Снова то же сообщение. Засунул телефон в карман. Быстрыми шагами пошёл к дому. По пути поймал странное ощущение, что уже не принадлежит тому миру, в котором всё ещё находился. Магазины, спешащие люди, автобусы и автомобили были декорациями актёра после спектакля. Стас усмехнулся. Роль сыграна, аплодисментов не будет. И всё же, если бы Алла не устроила последнюю сцену, он мог бы испытать чувство удовлетворения от своего поступка. Перед глазами снова появилась Алла в соблазнительной одежде.

Хорошо, что Алиса не могла этого видеть. А с другой стороны: в чём его вина? Лишь в том, что он смотрел на Аллу?

Но ведь удержался. Оттолкнул, а всё равно комочек грязи прилип к душе. Прости, милая. Так иногда случается.

Стас снова надавил на кнопку телефона и получил тот же ответ. А время ещё семь вечера, ведь не спать же старичок лёг. Ладно. Стас сам не заметил, как снова оказался перед тем магазином, торгующим спиртным, возле которого произошло перемещение его души. И снова накатило чувство, когда выпить просто необходимо. А вдруг и сегодня получится?

Стас решительно завернул в магазин. Перед ним девушка в голубом пуховике берёт бутылку водки. Стас затаил дыхание. Как в тот раз. Девушка сняла сумку с плеча. Достала карточку. Ввела код.

– Девушка, у вас недостаточно средств на карте, – сказала пожилая строгая женщина в очках, больше похожая на учительницу, чем на продавца винного магазина.

– Этого не может быть, я сейчас проверю баланс, – она повернулась к Стасу. – Извините. Внезапно её лицо стало удивлённым. – Вы? Неужели? Как вы себя чувствуете? Вы, наверно, не помните тот вечер? Стас пригляделся. – Те же самые глаза. Серые. Только морщинок стало больше. – Вы тогда за меня заступились.

– Я помню, – Стас только и мог кивнуть от удивления.

– Девушка, вы будете баланс проверять или кокетничать?

– Да, конечно, – девушка взглянула на Стаса. – Спасибо, за меня никто не заступался. Они сумку хотели ещё

отобрать, а там вся зарплата была.

– Девушка...

– Сейчас, – девушка начала тыкать в телефон. – Ой, сто рублей не хватает. А можно я завтра занесу?

– Вот ведь молодёжь! Неужели так выпить хочется? – женщина смотрела поверх очков с презрением.

– Я не для себя. Для мужа. Ему опохмелиться надо. Иначе бить меня будет! – она умоляюще посмотрела на продавщицу. – Я завтра деньги занесу. Пожалуйста.

– Я сказала: нет!

– Что вам? – обратилась продавщица к Стасу, убирая бутылку водки на место.

– Джек Дэниэлс и вот эту бутылку, которую вы убрали, – сказал Стас, глядя на смущённую девушку, которая пыталась застегнуть молнию на потёртой сумке, но от волнения руки дрожали. Манжеты у пуховика пообтрепались и были грязными. Справившись с застёжкой, она выскользнула из магазина.

Стас взмахнул картой над терминалом. Выскочил из магазина. Если всё как тогда, на девушку должны напасть. Стас покрутил головой: у магазина никого не было. Он обежал магазин и далеко на дорожке увидел её голубой пуховик. Дорогу ей загородил мужчин. Девушка что-то быстро говорила, но слов было не разобрать. И вдруг мужчина поднял руку и ударил её по щеке. Девушка упала в снег, прижимая к себе сумку.

– Эй ты! Не трогай её! – закричал Стас с пакетом в руках побежал прямо к ним. В мозгу билась мысль: сейчас что-то произойдёт. Ситуация хоть и не та же самая, но очень похожая. Надо дать ему ударить себя. И тогда он будет с Алисой.

Мужчина, выше Стаса на целую голову, расставив ноги, смотрел на бегущего к нему Стаса.

– Во! Ленка, а это кто? Твой любовник?

Мужчина пнул лежавшую в снегу женщину. Потом ещё. Стас бросил пакет в снег.

– Не вмешивайся, он боксёр! – крикнула Лена, приподнимая голову.

Мужчина, встав в спортивную стойку, сжал кулаки. Подбежав к нему, Стас понял, какой он огромный. Мелькнул страх, но отступать было поздно. Изловчившись, Стас толкнул его в грудь и тут же получил сильный удар в челюсть. Почувствовал, что падает. Накрыла темнота.

Стас смотрел на своё тело сверху. Видел, как суетилась над ним Лена, как подошёл ударивший его мужик.

– Здорово я его вырубил! – захохотал он.

– Что ты наделал?! – крикнула Лена. – Надо вызвать скорую, – она потянулась к сумке, но мужик вырвал сумку у неё из рук.

– Ещё чего! Хочешь, чтобы меня в тюрьму упрятали?! А ну пошли домой! – он грубо потянул её за руку.

– Ты что, хочешь его бросить? Он ударился об камень.

– А он что, родной тебе?! А ну пошла домой! – он толкнул

женщину в спину, Водку купила?

– Денег не хватило!

– Идиотка! Позже сходишь! А ну пошла! – ещё один толчок в спину.

Женщина обернулась на Стаса.

– Что жалко его? Себя пожалей! Пошла, говорю! – мужчина грубо толкнул её в плечо, и Лена с трудом удержалась на ногах. – Послушай-ка! – он схватил её за руку, заставляя обернуться. – А где ты с ним познакомилась? Любовник?! Я видел, он шёл с пакетом, а потом его бросил. Жди здесь!

Пакет нашёлся быстро. Мужик сунул туда нос и захохотал.

– Мне, значит, водка. А ты с ним вискарь собиралась пить?! И не иначе, как Джек Дэниэлс! Моя крутая жёнушка! – муж схватил женщину за подбородок. – В глаза мне смотри! Не отворачивайся! Он твой любовник?

– Говорю же: я не знаю его, он за мной стоял в магазине, – по лицу молодой женщины текли слёзы.

Вот ведь мразь! Стаса так поразила эта сцена, что он отвлёкся от своего тела и подлетел ближе. Эх, если бы можно было двинуть, как следует, этому подонку.

Стас в жизни не видел, чтобы с женщиной так обращались. Он крутился вокруг и около супружеской пары, опять забыв про себя, пока не услышал знакомый голос:

– Ты что, опять в спасителя играешь?! Не надоело ещё?!

– Ох, это вы, – обрадовался Стас. – А я вам дозвониться не смог.

– Дозвонился! – фыркнул Валерий Никандрович. – Выключен телефон или нет, знаю и без него, кому я нужен. Хотел посмотреть, что ты делать собираешься. И что я вижу?

– Ну я специально хотел, чтобы он меня ударил, и я бы ...

– Что?

– Мог попасть к Алисе.

– Да что ты?! – Стас почувствовал себя мальчишкой. Такое презрительное снисхождение исходило от Валерия Никандровича, который завис напротив него в сиреневой, переливающейся сфере. – Думаешь, это так просто? Загадал желание и полетел?!

– Я подумал, если оказался в том же месте, то вдруг...

– И вот из-за этой мысли, ты так поступил со своим телом? Не стыдно, молодой человек?! Эх, если бы у меня было такое тело, я бы его берёг. Я ещё и это берегу, старое. Витаминчики пью, зарядочку делаю. Ты у Аллы научился? С кем поведёшься, того и наберёшься. Та в семнадцать лет с жизнью рассталась, и ты туда же. А ведь не знаешь, как дальше может повернуться. Сейчас женщина пойдёт мимо тебя. Вызовет скорую. Положат тебя в больницу. Черепно-мозговая травма. Потом большие проблемы с головой будут. Инвалид считай. Надо тебе это было? Да баб что ли мало?

– Баб полно, а такой, как Алиса, нет. Я всё равно найду её.

– Да как же ты её найдёшь? Я её далеко отправил. В хорошую семью пристроил. Баронесса Елизавета Калиновская. Девочка настрадалась, пока тебя тут ждала. Тоже добрень-

кая. Ну, может, пока ты в больничке будешь валяться, она и замуж выйдет.

– Я видел, она кашляла очень сильно.

– Поправится. Пневмония у неё. Распространённая болезнь для сырого Петербурга. Та душа не справилась бы, а Алиса уже на поправку пошла. Сегодня ночь пройдёт и всё у неё будет. Балы, шампанское, предложения руки и сердца.

– Пожалуйста, – взмолился Стас. – Берите всё, что угодно. Нам нельзя друг без друга.

– Да что с тебя взять?! Душа твоя, что из тела вышла, ничего с собой не взяла.

– Вон там, в кармане, карточки кредитные. Можете всё снять. Я пин код скажу. Там около полмиллиона будет.

– Маловато будет за счастье.

– Ещё машина есть. Но я не знаю, как её на вас переоформить.

– Ладно, – вздохнул Валерий Никандрович. – Машины мне твоей не надо. Это проверка была. А вот некоторые средства понадобятся. Офис оплатить надо, внучке кое-что купить.

– Пин код...

– Да знаю я. Можешь не утруждаться. Мне твоё согласие было нужно. В общем, дело такое. Мне время нужно. Тебе придётся с телом рядом поболтаться. Полезно будет, чтобы в следующий раз глупости не делал. А я посмотрю, какие подходящие варианты для тебя есть.

– А я ... не буду инвалидом?

– Испугался? Это хорошо. Не будешь, если та женщина, которая уже на дорогу вышла, где твоё тело лежит. Тебя увидит, скорую вызовет. Сердобольная, как все вы. А в больнице хирург работает, который с похмелья мучается. Идиоту бы дома отсидеться, а он на работу пошёл, увольнения боится. Операция будет, он что-то не то в твоём мозге заденет. А так отлежишься чуток и домой сможешь пойти.

Стас перепугался: был дар, что и говорить, у этого старичка, правильно всё объяснять. С другой точки зрения, которая у Стаса явно отсутствовала. Мало того, что без Алисы, так ещё и сумасшедшим сделаться. Нет, этого никак нельзя допустить.

– Так что же делать с этой женщиной? Как её заставить? Если бы я в теле был, легче простого, а так?

Старичок ухмыльнулся.

– Мне за внучкой в школу пора. Не могу остаться. Не медли только, тётушка эта быстро идёт, спешит куда-то.

– Но как же я её остановлю?

– Силой мысли, конечно. Что ещё у тебя есть?

– Да как же это?!

– Первый урок для души твоей: научиться предметы двигать. Алиса научилась и тебе негоже отставать.

Стас вспомнил, как Алиса «угощала» его эклером. Задумался. Когда понял, что не знает, как и приступить, старичка, то есть сферы сиреневой, уже и след простыл.

Ощущение паники усилилось. Стас полетел над дорожкой, увидел женщину в натянутой на лоб вязаной шапке и в короткой коричневой шубке. Шла она действительно быстро и ещё по телефону разговаривала. До него слова донеслись: «Скоро буду! Жди!» Положила мобильный в карман.

Стас заставил себя собраться, как он делал на самых безнадёжных переговорах. Знать бы, куда она идёт? К своему удивлению обнаружил, что может «видеть будущее». Увидел девушку лет двадцати. В халате, растрёпанная. Ребёнка на руках держит, который надрывается от крика. Лобик потный, температура. Женщина в коричневой шубке, мать её, спешит к ней с таблетками для ребёнка, которые врач прописал. Только таблетки эти малышу нельзя принимать, у него страшнейшая аллергия начнётся, которая всю жизнь испортит.

Получается, что женщина эта спешит две беды сделать, думая, что хочет помочь. Стас почувствовал себя увереннее. Тут оказывается ещё и жизнь ребёнка на кону. Так как же остановить её? И тут он кусок проволоки заметил. Толстая строительная проволока. Если положить под ноги, женщина, может, упасть. Упасть и ногу повредить. Несильно, растяжение или лёгкий перелом, но на ноги не встанет. Скорую будет себе вызывать, а не ему. К дочери попадёт завтра. Малыш поправится, таблетки будут без надобности. К тому же в травмпункте она их случайно потеряет.

До тела Стаса оставалось не более ста метров. Надо спе-

шить! Как можно подвинуть проволоку? Стас подлетел к ней, попытался. Проволока лежала на месте. Ещё раз. Снова посмотрел на дорожку.

Восемьдесят метров. Эх, если бы у него была хотя бы одна рука.

Шестьдесят метров.

Стас выбился из сил. Эту проволоку, такую лёгкую, сдвинуть невозможно. Но Алиса же научилась. Эх! Стас снова сосредоточился и вдруг вспомнил слова: Валерия Никандровича. Сила мысли. Стас внезапно понял. Ну, конечно. Тут дело не в физических усилиях, если его тело валяется в нескольких метрах. Нужно, как на переговорах, представить идеальную картину окончания. В офисе он частенько этим пользовался. Даже прописывал пункты договора, представлял, как стороны пожимают друг другу руки.

Нужно – дело то проще простого – представить проволоку перед ногами этой женщины. Хотя, нет, это только шаг первый. Представить, что она упала, подвернула правую лодыжку. Пытается встать, не получается. Вынимает телефон и вызывает скорую. Её увозят в больницу. В больнице, доставая паспорт, роняет таблетки, предназначавшиеся малышу. Этого никто не замечает. Всё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.